

Саймон Себаг Монтефиоре

Иерусалим

БИОГРАФИЯ

Corpus

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА

ed. lurre cleua a ginne

Саймон Себаг-Монтефиоре
Иерусалим. Биография

«Corpus (АСТ)»

2011

УДК 94(569.4)
ББК 63.3(5Изр)

Себаг-Монтефиоре С. Д.

Иерусалим. Биография / С. Д. Себаг-Монтефиоре — «Corpus (АСТ)», 2011

ISBN 978-5-17-090079-4

Иерусалим – один из древнейших городов Земли, центр мироздания, столица двух народов и святыня трех авраамических религий, каждая из которых считает город площадкой, на которой разыграется мистерия Судного дня. История Иерусалима – это мировая история в миниатюре, тысячелетний эпос, среди авторов которого царь Давид и пророк Исайя, Иуда Маккавей и Иисус Христос, император Юстиниан и султан Сулейман, грешники и святые, строители и разрушители... Автор книги Саймон Себаг Монтефиоре, потомок знаменитого еврейского филантропа (улица Монтефиоре есть, вероятно, в каждом городе Израиля), превращает этот величественный эпос в захватывающий рассказ, вплетая в ткань популярного исторического исследования нить собственной семейной легенды.

УДК 94(569.4)

ББК 63.3(5Изр)

ISBN 978-5-17-090079-4

© Себаг-Монтефиоре С. Д., 2011

© Corpus (АСТ), 2011

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	14
Об именах и названиях и об их транслитерации	17
Пролог	19
Часть первая. Иудаизм	28
1. Мир Давида	28
2. Возвышение Давида	33
3. Царство и храм	35
4. Цари иудейские	42
5. Блудница вавилонская	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Саймон Себаг Монтефиоре

Иерусалим. Биография

© Simon Sebag Montefiore, 2011

© И. Павлова, перевод на русский язык, 2012, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

© Издательство CORPUS

* * *

Моей дорогой дочери Лили Батиебе

Иерусалим – это история мира; и даже больше: это история неба и земли.

Бенджамин Дизраэли. Танкред

Многое пережил Иерусалим. Город был разрушен, отстроен, разрушен и вновь отстроен. Иерусалим – это старая нимфоманка, которая с широким зевком стряхивает с себя одного любовника за другим, предварительно выжав их до конца. Это паучиха, разрывающая в клочья тех, кто ею овладевает, прежде чем они успевают оторваться от нее.

Амос Оз. Повесть о любви и тьме

Эрец-Исраэль посредине мира. / А Иерусалим в самом центре Эрец-Исраэль. / Храм посредине Иерусалима, / Святая Святых в центре Храма, / Ковчег Завета посредине Святой Святой, / А под Ковчегом – Краеугольный камень, / На котором основан мир.

Мидраш Танхума. Кедошим 10

Святыни мира – Сирия; святыни Сирии – Палестина; святыни Палестины – Иерусалим; святыни Иерусалима – Скала; святыни Скалы – место богочтения; святыни места богочтения – Купол Скалы.

Таур ибн Язид. Фадаиль

Иерусалим – самый прославленный город. Но есть у Иерусалима и недостатки. И потому о нем говорят: “Иерусалим – это золотой кубок, полный скорпионов”.

Мукаддаси. Описание Сирии, включая Палестину

Предисловие

История Иерусалима – это в определенном смысле история всего мира, но одновременно это и хроника провинциального городка, затерянного среди холмов Иудеи и не раз на протяжении веков терпевшего лишения и невзгоды. Иерусалим издавна считался центром мироздания, и сегодня это определение кажется едва ли не более уместным, чем когда-либо прежде. Поле битвы трех авраамических религий, желанный трофей для набирающих силу христианских, иудейских и исламских фундаменталистов; арена столкновения цивилизаций, линия фронта, проведенная между атеизмом и верой, точка магнетического притяжения тысяч людей; излюбленный объект для конспирологических спекуляций и интернет-мифотворчества, залитая светом софитов авансцена, на которую 24 часа в сутки нацелены камеры всех новостных агентств мира, – все это Иерусалим. Религиозные и политические противоречия пересекаются и подпитывают друг друга, а медиа помогают удерживать Иерусалим в фокусе столь пристального внимания, которым он не пользовался никогда на протяжении своей истории.

Иерусалим – Святой город, но при этом он всегда был и остается гнездом суеверий, религиозного шарлатанства и фанатизма; вожделенной целью империй – пусть он и не имеет никакого стратегического значения; космополитическим приютом множества общин, каждая из которых считает, что Иерусалим принадлежит лишь ей одной. Этот город носил и носит множество разных имен, но каждая религиозная традиция настолько фанатична в своем самоутверждении, что не приемлет никакую иную. Этот город настолько утончен и изощрен, что священные иудейские тексты иногда именуют его в женском роде, уподобляя Иерусалим то чувственной красавице, то бесстыдной блуднице, а иногда – уязвленной принцессе, покинутой своими возлюбленными.

Иерусалим – город Единого Бога, столица двух народов, святыня трех религий. И это единственный город, существующий одновременно в двух измерениях – на земле и в Небесах, и даже несравненная красота земного города меркнет рядом со славой и величием Града Небесного. Эта двойственная природа означает, что Иерусалим в принципе может существовать где угодно: разнообразные “Новые Иерусалимы” не раз возникали в самых разных уголках света, и каждый из них демонстрирует собственное представление о Небесном Граде. Пророки и патриархи, Авраам, царь Давид, Христос и Мухаммед ступали, как говорят, по этим камням. Здесь зародились авраамические религии, и здесь же в Судный день мир земной придет к своему концу.

Иерусалим, священный город для народов Книги, и есть город Книги: Библия во многих смыслах представляет собой семейную хронику Иерусалима, а ее читатели – от иудеев и первых христиан до мусульманских завоевателей, крестоносцев и современных американских евангелических проповедников – не раз пытались перекроить историю города, чтобы исполнились библейские пророчества. Когда Библию перевели на греческий язык, на латынь, а затем и на другие языки, она стала всемирной Книгой, а Иерусалим стал принадлежать всем. Каждый могущественный правитель стал царем Давидом, каждый великий народ мнил себя новым народом Израиля, а каждая величественная цивилизация воображала себя новым Иерусалимом – городом, который не подвластен никому (хотя каждый из нас воображает его своим личным достоянием). В этом заключена трагедия Иерусалима и одновременно магия его притяжения: каждый, кто мечтал об Иерусалиме, каждый его гость во все времена готовится увидеть город подлинно древний, самобытный и неповторимый, и испытывает горькое разочарование, увидев Иерусалим реальный – изменчивый, знавший времена расцвета и упадка, многократно разрушенный и отстроенный заново. Но коль скоро речь идет об Иерусалиме, всеобщем достоянии, то каждый считает свое видение и восприятие единственно верным; а коль скоро реальность не отвечает нашим ожиданиям, то реальность следует изменить: наделить реальный

Иерусалим чертами, существующими исключительно в нашем воображении. И многие пытались сделать это – увы, очень часто огнем и мечом.

Ибн Хальдун, арабский историк XIV века, свидетель и участник некоторых событий, описанных в этой книге, говорил о важности истории для всех без исключения: “Обычные люди стремятся познать ее, цари и правители соперничают за то, чтобы войти в нее”. Это особенно верно в случае Иерусалима. Невозможно написать биографию этого города без осознания того, что Иерусалим – место силы мировой истории, ее краеугольный камень, самая ее суть. В наш век, когда правит бал интернет-мифология, а в арсенал фундаменталиста наряду с кривой саблей входит суперсовременная компьютерная мышь, установление исторических фактов – дело еще более важное, чем во времена Ибн Хальдуна.

Писать историю Иерусалима – значит погрузиться в исследования сущности святости. Слова “Святой город” слышны всякий раз, когда произносящий их хочет подчеркнуть свое благоговейное отношение к святыне, однако у этих слов есть и более глубокий смысл: они подразумевают, что Иерусалим есть главное место на Земле для общения между Богом и человеком.

И нам предстоит ответить на вопрос: почему из всех поселений мира подобная роль досталась именно Иерусалиму? Ведь этот городок, стоящий среди негостеприимных скалистых обрывов, удален от главных торговых путей Средиземноморья и страдает от нехватки воды, летом его безжалостно палит солнце, а зимой он стынет под порывами ледяного ветра. Однако выбор Иерусалима в качестве города-Храма был и результатом сознательных личных решений, и естественным эволюционным процессом: чем дольше этот город почитался святым, тем более упрочивалась его святость. Ведь святость – это не только вопрос духовности и веры, она должна быть общепризнанна, легитимна и опираться на ту или иную традицию. Радикальный пророк, несущий в мир новую благую весть, должен истолковать значение минувших столетий и оправдать собственное откровение на понятном каждому языке и в контексте сакральной географии – мест, где прозвучали более древние пророчества, мест, которые давным-давно почитаются святынями. Ничто не заостряет святость места больше, чем оселок новой религии.

Многих атеистов, посещающих Иерусалим, его пресловутая святость отталкивает, они видят в ней лишь прилипчивое суеверие, одно из проявлений ханжеской набожности, которой болен этот город. Но думать так – значит отрицать насущную и глубокую потребность людей в религии, без которой невозможно понять Иерусалим. Религия призвана объяснить мимолетные радости и бесконечные страхи, которые смущают и сбивают с толку людей. Нам необходимо ощущать присутствие некой Силы, превосходящей нашу собственную. Мы уважаем смерть и уже давно стремимся постигнуть ее смысл. И как место встречи Бога и человека Иерусалим мыслится именно той точкой, где эти вопросы должны разрешиться, когда наступит Конец света, последняя битва между Христом и Антихристом; когда Кааба будет перенесена сюда из Мекки; когда мертвые воскреснут с приходом Мессии, который установит Царство Небесное – новый, Горний Иерусалим.

Все три авраамические религии верят в то, что наш мир конечен. Лишь детали разнятся в концепциях различных конфессий и общин. Атеисты могут считать апокалипсис древней возвышенной выдумкой, но следует признать: апокалиптические идеи сегодня более чем актуальны. В век иудейского, христианского и мусульманского фундаментализма вера в апокалипсис становится просто одним из инструментов мировой политики.

Смерть – наш постоянный спутник: многие столетия паломники приходили в Иерусалим, чтобы умереть здесь и быть похороненными у Храмовой горы или на Масличной горе, чтобы первыми восстать из могил, когда ангел протрубит конец мира. Приходят они сюда за тем же и ныне. Иерусалим окружен кладбищами и стоит на кладбищах; здесь поклоняются мощам древних святых: иссохшая, почерневшая рука Марии Магдалины до сих пор выставлена в греческой части церкви Гроба Господня. Многие святилища, даже многие частные дома стоят

среди могил. Но мрачность этого города мертвых демонстрирует не только изрядную долю некрофилии, но и своего рода некромантию: ведь мертвые здесь – почти живые, пусть они еще только ждут воскресения. Вечная борьба за Иерусалим – все эти массовые убийства, хаос, войны, террор, осады и катастрофы – превратила этот город в поле битвы, или, по словам Олдоса Хаксли, в “скотобойню религий”. Флобер уподоблял город “склепу”, Мелвилл – черепу, осажденному “армией мертвецов”, а Эдвард Саид вспоминал, что его отец ненавидел Иерусалим, потому что тот “напоминал ему о смерти”.

В истории этого святилища Небес и земли не всегда удастся усмотреть последовательную волю Провидения. Великие религии внезапно для окружающих рождались из искр, высеченных харизматическим пророком – Моисеем, Иисусом или Мухаммедом. Гигантская империя строилась в одночасье, а неприступный город бывал стерт с лица земли волей и удачливостью одного энергичного полевого командира. Решения личностей, начиная с царя Давида, и сделали Иерусалим Иерусалимом.

Вероятность того, что крошечная цитадель Давида, столица маленького царства, превратится в путеводную звезду для всего мира, была, безусловно, невелика. И по иронии истории именно разрушение Иерусалима Навуходоносором заложило почву для создания Святого города, потому что эта катастрофа побудила евреев начать записывать свою историю и воспевать лучезарную красоту Сиона. Подобные катаклизмы в древности обычно приводили к полному исчезновению побежденного народа, но поразительная жизнестойкость евреев, их неизменная преданность своему Богу, а главное – то, что они записали в Библии свою версию истории, – все это заложило основу славы Иерусалима. Библия заменила евреям и государство, и Храм и стала, по слову Генриха Гейне, “переносным отечеством” иудеев, их “переносным Иерусалимом”. Ни у какого другого города не было собственной Книги, и никакая книга не предопределила в такой степени судьбу какого-либо города.

Идея святости Иерусалима произросла из идеи об исключительности евреев как избранного народа. Иерусалим стал избранным городом, Палестина – Землей Обетованной, и эта концепция исключительности была затем унаследована христианами и мусульманами. Святость Иерусалима и Палестины скоро стала общепризнанной и отразилась в идее возвращения евреев в Израиль, поддержанной сионистским энтузиазмом Запада – одержимость этой идеей нарастала в Европе со времен Реформации и вплоть до 1970-х годов. После этого трагический поворот истории палестинцев, для которых Иерусалим занял место их Потерянного рая, изменил восприятие Израиля в мире. И западная фиксация на том, что этот город принадлежит всем одновременно, оборачивается для него и благословением, и проклятием. Сегодня эта одержимость выражается в небывало пристальном внимании к Иерусалиму и палестино-израильскому конфликту: он вызывает гораздо большее эмоциональное напряжение, чем любой другой конфликт на земле.

Но не все так просто, как кажется. История часто видится как поступательное движение, в котором периоды прогресса сменяются временами жестокой реакции. А я хотел бы показать, что Иерусалим – это город преемственности и сосуществования, гибридная столица, в которой среди разномастной архитектуры живут перемешавшиеся между собой народы, которые трудно распределить по жестким категориям, что бы ни говорили тут древние религиозные предания и националистические нарративы более поздних времен. Потому я и пытаюсь, когда это возможно, проследивать историю Иерусалима через историю династий, родов, семейств и кланов: от Дома Давида до Маккавеев и Иродианов; от Омейядов к династиям крестоносцев и дому Саладина, к семействам Хусейни, Халиди, Спаффордов, Ротшильдов и Монтефиоре.

Такой подход позволяет органически отобразить течение обычной жизни, которая не любит резкого деления на периоды, скучает без ярких деталей и редко бывает беспристрастна. Но Иерусалим – это вовсе не противостояние двух разных культур; это множество культур, наложившихся одна на другую и сплетенных воедино: тут и православные арабы, и арабы-

мусульмане, и евреи-сефарды, и ашкеназы, и харедим (религиозные евреи), принадлежащие, в свою очередь, к великому множеству разных “дворов”. Тут и светские евреи, и армяне-монофизиты, и православные греки, русские, грузины и сербы, а также копты, эфиопы, протестанты, католики... Один и тот же человек тут вполне может иметь несколько самоидентификаций и хранить верность сразу нескольким традициям – словно человеческий аналог перемежающимся слоям иерусалимских камней и праха в мостовых и стенах города.

Вот что существенно для нашей истории: важность города в окружающем мире то умаллялась, то усиливалась, но всегда была изменчива, текуча, находилась в процессе трансформации, подобно растению, что меняет свою форму, размер, даже цвет – но при этом всегда остается укорененным на одном и том же месте. Сейчас мы, похоже, находимся в “апогее важности”, сегодня Иерусалим – это медийный Святой город, сакральный центр трех мировых религий, подмостки круглосуточного новостного шоу. Но проходили целые столетия, когда Иерусалим, казалось, утрачивал всякое религиозное и политическое значение. И во многих случаях вовсе не божественное откровение, а прозаическая политическая необходимость вновь вызывала к жизни очередной приступ религиозного исступления.

Однако всякий раз, когда Иерусалим, казалось, предавали забвению и он становился “городом из старинной книжки”, никому не важным и не интересным, – находились люди в отдаленных землях, будь то Мекка, Москва или Массачусетс, которые проецировали свою искреннюю веру на Иерусалим. Любой город – это окно, которое позволяет хотя бы бегло заглянуть в чужой менталитет и образ мышления, но Иерусалим – это не окно, а двустороннее зеркало: он выставляет напоказ собственную жизнь, отражая в то же время в себе все проблемы внешнего мира. И в любую эпоху – идет ли речь о временах всеобщего богопочитания или о строительстве империй, о днях евангельского Откровения или эпохе светского национализма – Иерусалим становился символом этой эпохи и ее вождленным трофеем. И, как это бывает в кривых зеркалах, отражения часто получались искаженными, а иногда и уродливыми.

Иерусалим способен разочаровать и разозлить и завоевателя, и простого гостя. Контраст между реальным городом и Небесным Иерусалимом настолько разителен, что психиатры города принимают в год сотни пациентов, страдающих “иерусалимским синдромом” – временным умопомешательством, возникающим из-за несбывшихся ожиданий и разбитых вдребезги иллюзий.

Правда, у “иерусалимского синдрома” есть и неожиданный политический аспект, который часто проявляется в процессе мирных переговоров: Иерусалим отрицает здравый смысл, логику практической политики и разумных стратегий, предпочитая язык страстей и эмоций, с которыми разум неспособен совладать. Тактическая победа лишь раззадоривает победителя. Здесь правит закон непредвиденных последствий.

Никакое другое место не пробуждает такого страстного желания владеть им полностью. Но в этом ревностном рвении заключена большая ирония истории, поскольку большинство иерусалимских святынь (и преданий, связанных с ними) заимствованы либо просто украдены адептами одной религии у приверженцев другой, которой эти святыни принадлежали прежде. Многие в прошлом города – очень часто лишь продукт воображения. Буквально каждый камень некогда был частью давно позабытого храма иной веры. Большинство завоеваний (но не все они) сопровождалось инстинктивным стремлением стереть с лица земли следы других религий, одновременно узурпировав их обычаи, предания и святыни. Конечно, бывало так, что учинялись страшные разрушения, но гораздо чаще завоеватели не разрушали то, что было создано до них, а переосмысливали трофейное наследие и добавляли к нему что-то свое. Такие важные места, как Храмовая гора, Цитадель, Город Давида, гора Сион и храм Гроба Господня не демонстрируют разные слои истории в их отдельности, а более напоминают неоднократно переписанный палимпсест или вышивку, в которой шелковые нити настолько плотно переплетены, что расплести их сегодня невозможно.

Соперничество за обладание столь заразной святостью приводило к тому, что некоторые места становились священными для всех трех религий, сначала последовательно, а потом и одновременно. Цари отдавали приказы, и рабы покорно умирали, выполняя эти приказы, но ныне и те, и другие почти забыты. Гора Сион была величайшей святыней и для евреев, и для христиан, и для мусульман, однако сегодня там редко встретишь мусульманских или еврейских паломников – она вновь преимущественно христианская.

В Иерусалиме истина часто менее важна, чем миф. “Если речь об Иерусалиме, то умоляю, не спрашивайте меня о фактах, – говорит известный палестинский историк Назми аль-Джубех. – Уберите вымысел – и от истории Иерусалима вообще ничего не останется”. История здесь обладает такой мощью именно потому, что она постоянно искажается. Археология сама по себе представляет здесь одну из сил истории, и археологи не раз выступали как солдаты, перед которыми была поставлена боевая задача: раскопать именно такое прошлое, которое необходимо политикам именно в данный текущий момент. Археологию, дисциплину, претендующую на объективность и научность, можно, оказывается, использовать для “объективного” обоснования религиозно-этнических предрассудков и оправдания имперских амбиций. Израильяне, палестинцы и империалисты-евангелисты XIX века – все они самым противоположным образом истолковывали одни и те же находки, пытаясь представить свои интерпретации как несомненные факты. Посему история Иерусалима просто вынуждена была стать сплетением правды и вымысла. Но исторические факты все же существуют на самом деле, и цель этой книги – честно рассказать о них, какими бы неприятными они ни были для той или другой стороны.

Я задался целью написать общую историю Иерусалима для широкого круга читателей – атеистов и верующих, христиан, мусульман, иудеев, – избегая всякой политической повестки, – даже при том, насколько она сегодня раскалена.

В изложении событий я придерживаюсь хронологического принципа, рассказывая историю через жизнь людей – мужчин и женщин, воинов и пророков, поэтов и царей, крестьян и музыкантов, – а также кланов и семейств, которые создали Иерусалим. На мой взгляд, это лучший способ показать город как можно более живо и продемонстрировать, что самые, казалось бы, неожиданные извивы его истории суть следствия скрытых, но важных причин.

Смысл хронологической последовательности в том, что она помогает избежать соблазна оценить прошлое сквозь призму пристрастности настоящего. Я также старался избегать телеологического подхода – то есть представления об истории как predetermined процессе, в котором каждое событие будто бы было неизбежным. А поскольку каждое изменение есть следствие какой-то причины, то хронология – лучший способ осмыслить эту эволюцию, ответить на вопрос “почему именно Иерусалим?” и показать, почему люди действовали именно так, а не иначе. К тому же мне думается, что это и самый увлекательный способ изложения истории. Да и кто я такой, в конце концов, чтобы портить – как сказали бы в Голливуде – “величайшую из когда-либо рассказанных историй”? Четыре эпохи – Давид, Иисус, крестоносцы и арабо-израильский конфликт – вроде бы должны быть достаточно хорошо знакомы читателям и зрителям, благодаря Библии, кинофильмам, романам и выпускам новостей, но и они зачастую остаются недопонятыми. Что касается остального, я искренне надеюсь, что расскажу много полузабытых, а то и вовсе не известных читателю вещей.

Эта книга – история Иерусалима как центра мировой истории. Но она не претендует на то, чтобы быть энциклопедией всех сторон жизни города, равно как и путеводителем по каждой нише, капители или портику в каждом здании. Я также не задавался целью написать подробную историю православных, католиков или армян, исламских правовых школ ханафитов или шафиитов, историю хасидов или караимов либо рассказать о ком-то из них с какой-нибудь специальной точки зрения.

Жизнью мусульманского города от мамлюков до Мандата историки часто пренебрегают. Иерусалимские кланы подробно изучены палестинскими учеными, но популярные западные историки о них пишут редко. Хотя судьбы этих семейств были и остаются чрезвычайно важными, переводов некоторых ключевых источников на английский до сих пор не существует. Но я частично перевел их сам и лично беседовал с представителями всех этих кланов, чтобы услышать их голоса и их истории. Однако все это лишь часть мозаики.

Эта книга также – не история иудаизма, христианства или ислама, не исследование природы Бога в Иерусалиме: подобные темы блистательно раскрыты другими авторами, например, Карен Армстронг в ее недавно вышедшей замечательной книге “Иерусалим. Один город, три религии”. Эта книга также – не детальная история израильско-палестинского конфликта: ни одна другая тема сегодня не изучается столь дотошно.

Но я поставил перед собой поистине пугающую цель – рассказать обо всем об этом. Надеюсь, что я сделал это в правильной пропорции. Моя задача – следовать фактам, а не разгадывать тайны разных верований. И я совершенно точно не претендую на то, чтобы судить о том, насколько “достоверны” божественные чудеса или священные тексты трех великих религий. Каждому, кто изучает Библию или Иерусалим, приходилось замечать, что существует как бы несколько уровней истины. Догматы чужих религий и чужих эпох кажутся нам странными, в то время как привычные обычаи нашей современности воспринимаются по большей части как в высшей степени разумные и обоснованные. Даже XXI век, который многие считают веком победы Разума и здравого смысла, имеет свои бытовые суеверия и квазирелигиозные догмы, которые, скорее всего, будут казаться совершенно абсурдными нашим правнукам. Однако влияние религий и чудес на историю Иерусалима, безусловно, совершенно реально, и невозможно понять Иерусалим, не испытывая хотя бы в какой-то степени уважения к религии.

В истории Иерусалима есть века, о которых известно крайне мало, а все, что известно, крайне противоречиво. Споры ученых и археологов всегда полны колкостей, ядовитых выпадов, а порой столь ожесточенны, что в результате приводят иногда к весьма враждебным личным отношениям. А уж что касается событий последних пятидесяти лет...

Если говорить о раннем периоде в истории Иерусалима, то историки, археологи и писатели в равной степени стеснены почти полным отсутствием источников и одинаково вольно обращаются с немногими имеющимися в их распоряжении – лишь бы обосновать собственную теорию, которую они затем отстаивают как абсолютно достоверную. Я во всех случаях изучал оригинальные источники и ознакомился с множеством теорий, прежде чем сделать выводы. Если бы я хотел наверняка оградить себя от любой критики, то самыми частыми словами в этой книге были бы “возможно”, “вероятно”, “скорее всего”, “по-видимому” и “может быть”. Я не использовал их при каждом удобном случае, но прошу читателя поверить, что за каждой моей фразой, за каждым суждением стоит колоссальный объем изученной литературы. Все разделы этой книги были прочитаны и выверены специалистами. И я счастлив, что в работе над ней мне помогали многие из самых известных профессоров нашего времени.

Самые непримиримые из всех противоречий древней истории связаны с фигурой царя Давида, потому что они имеют политический подтекст, который сегодня чрезвычайно актуален и вызывает большое напряжение. Даже на академическом уровне полемика о Давиде отличается драматизмом и ведется с большей резкостью, чем споры по любым иным темам и предметам, за исключением разве что вопросов о природе Христа или Мухаммеда. Источником сведений о Давиде является Библия. Его историческое существование нам долгое время приходилось принимать на веру. В XIX веке интерес империалистических христианских империй к Святой земле вдохновил археологические поиски города Давида.

С образованием в 1948 году государства Израиль христианская направленность этих поисков изменилась, поскольку они получили чрезвычайную религиозно-политическую значимость из-за роли Давида как основателя еврейского Иерусалима. Поскольку, повторюсь,

источников X в. до н. э. крайне мало, некоторые израильские историки-ревизионисты сильно преуменьшили размер и значение Города Давида. Иные из них даже задавались вопросом, а существовал ли вообще Давид как историческая фигура, – к праведному гневу иудейских традиционалистов и ликованию палестинских политиков, поскольку эти сомнения явно подрывали притязания евреев на город. Однако обнаружение в 1993 году стелы Тель-Дана доказало, что царь Давид действительно существовал. Библия хоть и не замышлялась в первую очередь как историческая хроника, но, тем не менее, является историческим источником, которым пользовался в своем повествовании и автор этих строк. Площадь Города Давида и надежность Библии в качестве исторического источника обсуждаются в основном тексте книги, а о нынешнем конфликте из-за Города Давида мы поговорим в эпилоге.

Обращаясь к гораздо более поздним временам, работая над историей Иерусалима XIX столетия, постоянно вспоминаешь книгу Эдварда Саида «Ориентализм». Эдвард Саид, палестинец-христианин, родившийся в Иерусалиме и ставший профессором литературы в Колумбийском университете Нью-Йорка и оригинальным политическим голосом в мире палестинского национализма, считает, что «утонченная и упорная евроцентристская предубежденность против арабо-исламских народов и их культуры», особенно у таких путешественников XIX века как Шатобриан, Мелвилл и Марк Твен, «принижает арабскую культуру и оправдывает империализм».

Однако труд самого Саида подвигнул некоторых его последователей попытаться исключить западных «гостей» из истории Ближнего Востока. Абсурдность таких попыток очевидна. Да, эти гости мало что видели и плохо разбирались в реалиях арабского и еврейского Иерусалима, и, как я уже писал выше, мне пришлось потрудиться, чтобы, насколько возможно, воссоздать современную им реальную жизнь местного населения. Но цель моей книги – не полемика с Саидом: просто любой историк Иерусалима должен увидеть и признать доминирующее влияние романтико-империалистической культуры Запада на город, поскольку именно это влияние объясняет, почему Ближний Восток приобрел такое значение для великих держав.

Точно так же я подробно остановился на развитии британского просионизма, светского и евангелического – от Пальмерстона и Шафтсбери до Ллойд Джорджа, Бальфура, Черчилля и их друга Вейцмана, – по той простой причине, что именно эти просионисты оказали самое большое влияние на судьбу Иерусалима и Палестины в XIX–XX веках.

Я заканчиваю основную часть моей книги 1967 годом, ведь именно Шестидневная война создала ситуацию, которая существует и по сей день, и мне показалось правильным на этом остановиться. В эпилоге я даю беглый очерк политических событий последующих десятилетий и заканчиваю книгу картиной типичного иерусалимского утра у трех святынь города.

Но ситуация постоянно меняется. И если бы я решил довести историческое повествование до сегодняшнего дня, то у книги не могло бы получиться логичного и ясного финала – либо его пришлось бы переписывать едва ли не ежечасно. Я же хотел всего лишь показать, почему Иерусалим продолжает оставаться и главной целью, и основным препятствием на мирных переговорах.

Эта книга, в сущности, – обобщение, построенное на обширном чтении оригинальных источников (как древних, так и современных), на консультациях автора со специалистами, личных встречах с профессорами, археологами, членами иерусалимских семей и государственными деятелями, а также на бесчисленных поездках в Иерусалим, посещениях его святынь и мест археологических раскопок. В процессе работы мне посчастливилось найти несколько новых или редко используемых источников. Моя работа принесла мне три особенно счастливых переживания: во-первых, я проводил много времени в Иерусалиме; во-вторых, я прочитал захватывающие сочинения таких литераторов, как Усама ибн Мункыз, Ибн Хальдун, Эвлия Челеби, Вазиф Джавгарийе, Вильгельм Тирский, Иосиф Флавий и Томас Эдвард Лоуренс; а в-третьих, мне довелось познать дружбу, щедрость и сердечность – особенно ценные во времена

суровых политических кризисов – буквально всех помогавших мне людей: палестинцев, израильтян, армян, мусульман, иудеев и христиан. Многие из них стали моими друзьями.

У меня и сейчас чувство, что я готовился к написанию этой книги всю свою жизнь. Я интересовался Иерусалимом с детства. Благодаря родственным связям, которых я тоже касаюсь в книге, “Иерусалим” – это девиз моей семьи. Но независимо от этих личных связей, я хотел воссоздать прежде всего прошлое Иерусалима – как разворачивались события и во что верили люди. И если вернуться к тому, с чего мы начали, то повторю еще раз: всегда существовали два Иерусалима: один – земной и тленный, второй – горный и вечный. И обоими правили скорее вера и эмоции, нежели разум и факты. И в результате Иерусалим как был, так и остается центром мира.

Не каждому, наверное, придется по душе мой подход – в конце концов, может ли быть иначе, если речь идет об Иерусалиме. Но, работая над книгой, я всегда помнил ответ британского премьер-министра Ллойд Джорджа на жалобы губернатора Иерусалима Рональда Сторрза, которого беспощадно критиковали и евреи, и арабы: “Что ж, в ту же минуту, когда какая-либо из сторон вдруг перестанет выражать недовольство, вы будете уволены”.

Благодарности

В работе над этим масштабным проектом мне помогали многие ученые, и каждый – блистательный специалист в своей области. Я глубоко признателен всем им за помощь и советы либо прочтение и редактирование моего варианта текста.

Я благодарю за прочтение и внесение поправок в раздел, посвященный библейскому периоду и библейской археологии, прежде всего: профессора Ронни Рейха; профессора Дана Бахата, бывшего главного археолога Иерусалима, который, помимо этого, организовал для меня подробные экскурсии; д-ра Рафаэля Гринберга, также сопровождавшего меня при осмотрах достопримечательностей города; и Розмари Эшель. Я выражаю свою признательность за помощь и консультирование Ирвингу Финкелю, куратору отдела западно-азиатских древностей в Британском музее, а также д-ру Элеоноре Робсон, рецензенту кафедры науки Древнего Ближнего Востока на факультете истории и философии науки в Кембриджском университете, за внесение поправок в главы, посвященные Ассирии, Вавилону, Персии; д-ру Николь Шрайбер – за ее консультацию по вопросу датировки ворот Мегиддо на основании гончарных артефактов; д-ру Гидеону Авни, руководителю отдела раскопок израильского Института древностей; д-ру Эли Шукрону – за ознакомление с ходом раскопок в Городе Давида; д-ру Шимону Гибсону и д-ру Рене Сивану, сотруднику Музея истории Израиля (Цитадели Давида). Особую благодарность я выражаю д-ру Юсуфу аль-Натшеху, руководителю отдела исламской археологии Харам аш-Шариф (Храмовой горы), за его помощь на протяжении всей моей работы над книгой, предоставленный доступ к закрытым святыням Храма и экскурсии с Кадиром аль-Шихаби. Я также безмерно благодарен профессору Мартину Гудману из Оксфордского университета и д-ру Адриану Голдсуорси за прочтение и редактирование моего текста, касающегося иродиадо-римско-византийского периода.

Я весьма обязан за советы, руководство и скрупулезную выверку разделов по раннему исламскому периоду, арабам, тюркам и мамлюкам Хью Кеннеди, профессору арабистики в Школе восточных и африканских исследований (SOAS), равно как и д-ру Назми аль-Джуба, д-ру Юсуфу аль-Натше и Кадиру аль-Шихаби. Я также признателен Тауфику Деаделю за консультацию по истории кладбища Мамилла.

Я благодарю Джонатана Райли-Смита, профессора духовной истории из Кембриджского университета, и профессора Дэвида Абулафию, специалиста по истории Средиземноморья, также из Кембриджа, за прочтение и редактирование текста, касающегося крестоносцев.

Иудейская история со времен Фатимидов до Османов: свою искреннюю благодарность я выражаю профессору Абулафии, предоставившему мне рукописные материалы своей книги “Великое море: история средиземноморских народов”, профессору Минне Розен из Хайфского университета и сэру Мартину Гилберту, любезно позволившему мне ознакомиться с его рукописью “В доме Исмаиловом”.

Османский период и палестинские иерусалимские кланы: я благодарен профессору Аделю Манне за прочтение и внесение поправок в главы книги, посвященные XVI–XVIII векам.

XIX век, империализм и ранний сионизм: свою признательность я выражаю Иешуа Бен-Ареху, сэру Мартину Гилберту, профессору Тюдору Парфитту, Кэролайн Финкель, д-ру Аби-гайль Грин, любезно предоставившей мне свою рукопись “Мозес Монтефиоре – еврейский освободитель, имперский герой”, и Баширу Баракату – за его частное исследование истории иерусалимских семейств. Кирстен Эллис любезно предоставила мне неизданные главы своего романа “Утренняя звезда”. Много ценных советов и материалов предоставила мне также д-р Клэр Мурадян. Профессор Минна Розен поделилась своими исследованиями о Дизраэли.

Сведениями о России я обязан профессору Саймону Диксону и Галине Бабковой из Москвы; об армянах – Джорджу Хинтляну и д-ру Игорю Дорфману-Лазареву.

Сионистский период, XX век и эпилог: выражаю огромную благодарность д-ру Надиму Шехадии, эксперту по Ближнему Востоку британского Королевского института международных отношений, и профессору Колину Шиндлеру (из SOAS) за прочтение и редактирование этих разделов. Я благодарен также за поправки Дэвиду и Джеки Ландау из *The Economist* и *Haaretz*. Выражаю также признательность д-ру Жаку Готье, д-ру Альберту Агазяну, Джамалю аль-Нусейбе – за идеи и контакты, Худе Имам – за ее экскурсию по Стене, Якову Лупо – за его исследование ультраортодоксии.

Я весьма обязан д-ру Джону Кейси из кембриджского колледжа Гонвилль-энд-Киз, который тщательно и скрупулезно выверил весь текст, как и Джордж Хинтлян – специалист по османскому периоду, секретарь Армянского патриархата в 1975–1995 годах. Особую благодарность я выражаю Марал Амин Кутине за ее перевод на английский язык арабских источников.

Свою благодарность за советы и сведения из семейной истории я выражаю следующим представителям иерусалимских семейств, у которых я брал интервью или консультировался: Мухаммеду аль-Алами, Насредину аль-Нашашиби, Джамалю аль-Нусейбе, Заки аль-Нусейбе, Ваджиху аль-Нусейбе, Саиду аль-Нусейбе, Махмуду аль-Джаралле, Худе Имам из Иерусалимского института, Хайфе аль-Халиди, Кадиру аль-Шихаби, Саиду аль-Хусейни, Ибрагиму аль-Хусейни, Омару аль-Даджани, Адиду аль-Джуди, Марал Амин Кутине, д-ру Раджаю М. аль-Даджани, Рану аль-Даджани, Адиду аль-Ансари, Наджи Казазу, Ясиру Шуки Тоха – владельцу моего любимого ресторана “Абу Шукри”, – профессору Рашиду Халиди из Колумбийского университета.

Я благодарю Шмуэля Рабиновича, раввина Западной стены и Святых мест; отца Атанасия Макору, католического священника; отца Самуила Агояна, армянского смотрителя церкви Гроба Господня; коптского священника отца Эфраима Элорашамили; сирийского епископа Северия, сирийского священника отца Малке Мората.

Я выражаю свою благодарность Шимону Пересу, президенту Израиля, и лорду Вейденфельду, поделившимся со мной своими воспоминаниями и идеями; а также иорданской принцессе Фирьял – за воспоминания об иорданском Иерусалиме; принцу и принцессе Иордании Талал бин Мухаммед.

А познакомил меня с Иерусалимом Ицхак Якоби: переживший Освенцим, участник Войны за независимость 1948 года, литератор и ученый, помощник Бен-Гуриона, он долгое время был главой Компании по развитию Восточного Иерусалима при мэре Тедди Коллеке.

Большую помощь оказали мне дипломатические представители как государства Израиль, так и палестинских властей, нашедшие время для встреч и бесед, в ходе которых они делились со мной и своими замечательными идеями, и интересными сведениями. Я благодарю Рона Просора, израильского посла в Лондоне, Рани Гидора, Шарона Ханоя и Ронит Бен Дор из посольства Израиля, а также профессора Мануэля Хасасяна – палестинского посла в Лондоне.

Уильям Далримпл и Чарльз Гласс были необыкновенно любезны, делясь со мной на протяжении всей работы над книгой своими идеями, материалами и рекомендательными списками литературы. Большую помощь оказал мне Иерусалимский Фонд; мои благодарности – Рут Чесин, Нурит Гордон, Алану Фриману и Ури Дроми, директору Мишкенот Шааним. Неопеченную помощь в установлении контактов оказали мне Джон Леви из образовательного фонда “Друзья Израиля” и телевизионный продюсер Рэй Брюс.

Я глубоко признателен Питеру Себагу Монтефиоре и его дочери Луизе Эспиналл за предоставленные в мое распоряжение бумаги Джеффри Себага Монтефиоре, а также Кейт Себаг Монтефиоре – за исследование жизни и деятельности Уильяма Себага Монтефиоре.

Свою помощь советами и моральную поддержку мне оказывали: Амос и Нили Оз, Пол Вестер, председатель правления отеля “Американская колония”, Рашель Лев из Архива аме-

риканской колонии, Паоло Фец, генеральный директор, и Диана Ахо, “Американская колония”, Музер Фахми из книжного магазина “Американская колония”, Филипп Уиндзор-Обри, Дэвид Хэар, Дэвид Кроянкер, Ханна Кедар, Фред Айсман, Ли Карпентер Брокау, Дана Харман, Дороти и Дэвид Харман, Кэролайн Финкель, Лоренца Смит, профессор Бенджамин Кедар, профессор Реувен Амитай, Яов Фархи, Диала Хлат, Зияд Клот, Юзеф Хлат, Раня Джубран, Ребекка Абрам, сэр Рокко и леди Форте, профессор Селим Тамари, Одд Карстен Твейт, Кеннет Роуз, Доррит Мусайефф и ее отец Шломо Мусайефф, сэр Рональд и леди Коэн, Давид Халили, Ричард Форман, Райан Принц, Том Холланд, Тарик Абу Заяд, профессор Израэль Финкельштейн, профессор Авигодор Шинан, профессор Яир Закович, Джонатан Форман, Муса Клебникофф, Арлен Ласкона, Кери Астон, преп. Робин Гриффит-Джонс, настоятель церкви Темпл (Лондон), Хани Абу Диаб, Мириам Овитс, Джоана Шлиман, Сара Хельм, профессор Саймон Голдхилл, д-р Дороти Кинг, д-р Филипп Мэнсел, Сэм Кили, Джон Миклетвейт, редактор журнала “Экономист”, Гидеон Личфилд, раввин Марк Вайнер, Морис Биттон, куратор синагоги Бевис Маркс, раввин Авраам Леви, профессор Гарри Зейтлин, профессор Ф. М. аль-Элойсчари, Мелани Фолл, раввин Давид Голдберг, Мелани Гибсон, Аннабель Вайденфельд, Адам, Гилл, Дэвид и Рэчел Монтефиоре, д-р Габриель Барки, Марек Тамм, Этан Броннер из “Нью-Йорк Таймс”, Генри Хемминг, Уильям Загхарт. Я искренне благодарен всем. Я также благодарю Тома Моргана за помощь в исследованиях.

Свою искреннюю признательность я выражаю своему агенту Джорджине Кейпел, моим агентам по защите авторских прав за рубежом Аби Гилберту и Ромили Маст, моим британским издателям Алану Сэмсону, Иону Тревину и Сьюзан Лэмб, моему замечательному редактору Беа Хемминг в *Weidenfeld*, а также блистательному литературному редактору Питеру Джеймсу; моим издателям: Сони Мехте в *Knopf*, в Бразилии – Луису Шварцу и Ане Пауле Хисаяме в *Companhia das Letras*, во Франции – Мирей Паолони в *Calmann Levy*, в Германии – Петеру Зиллему в *Fischer*, в Израиле – Зиву Левису в *Kinneret*, в Голландии – Хенку тер Боргу в *Nieuw Amsterdam*, в Норвегии – Иде Бернстен и Герду Джонсену в *Cappelens*, в Польше – Иоланте Воложанской в *Magnum*, в Португалии – Александре Лоуро в *Aletheia Editores*, в Испании – Кармен Эстебан в *Critica*, в Эстонии – Кристе Каэр из *Varrak* и в Швеции – Перу Фаустино и Стефану Хилдингу в *Norstedts*.

Прекрасными редакторами всех моих книг были и остаются мои родители – д-р Стивен и Эйприл Себаг Монтефиоре. И я несказанно благодарен жене Санте – моей терпеливой, вдохновляющей и любящей музе. Санта и наши дети Лили и Саша, так же как и я, испытали на себе все последствия “иерусалимского синдрома”. И возможно, они теперь знают о Скале, Стене и Гробе Господнем больше, чем многие священники, раввины или муллы.

Об именах и названиях и об их транслитерации

В этой книге множество имен собственных, в связи с чем неминуемо встает вопрос о транслитерации. Поскольку книга рассчитана на массового читателя, я принял решение использовать самые доступные и знакомые широкой публике звучания имен и названий. А потому сразу приношу извинения пуристам, которых такое решение, возможно, обидит.

При описании иудейского периода я отдавал предпочтение греческим (а не латинским и не еврейским) именам царей из династии Хасмонеев. Тем не менее, некоторые второстепенные персонажи появляются на страницах этой книги под своими еврейскими именами. Так, шурина Ирода я называю его иудейским именем Ионафан (а не греческим именем Аристобул), чтобы избежать путаницы со многими другими историческими тезками. Рассказывая о наиболее известных персонажах, я использую традиционные, знакомые большинству читателей версии имен: Ирод, Помпей, Марк Антоний, Тамерлан, Саладин. Того же принципа я придерживаюсь и в случае с персидскими именами, отдавая предпочтение их привычным звучаниям (например, Кир). Маккавеи правили в Иудее как династия Хасмонеев, но для большей ясности я называл их на протяжении всего повествования Маккавеями.

С арабским периодом все сложнее, и я даже не пытался последовательно придерживаться каких-либо твердых правил в именовании. В большинстве случаев я употребляю традиционные для европейского уха формы (например, Дамаск, а не Димаск). Арабский артикль “аль” я привожу при первом упоминании имени или топонима, а в дальнейшем опускаю его; также я употребляю артикль в составных именах и названиях. Я не использую диакритические знаки. Большинство аббасидских и фатимидских халифов, а также султаны династии Айюбидов получали при воцарении особое почетное прозвище, так называемый лакаб – например, аль-Мансур. Для облегчения восприятия текста я во всех случаях опускаю определенный артикль. В хорошо известных именах я заменяю “бин” на “ибн”. В таких именах, как Абу Суфьян, я – опять же, для облегчения чтения – не употребляю арабский генитив (иначе следовало бы писать, к примеру, Муавия ибн Абу Суфьян). И в большинстве случаев я называю Айюбидов домом Саладина.

В европейской исторической традиции отсутствует последовательность в употреблении арабских имен. Так, например, халифов династии Аббасидов обычно называют их царственными именами, за исключением Гаруна аль-Рашида, поскольку он известен по арабским сказкам “Тысячи и одной ночи”. Все историки называют известного султана XII века Саладином, а его брата именуют аль-Адилем. Оба они носили почетные имена (*лакабы*) – Салах ад-Дин и Саиф ад-Дин. И оба позднее приняли царственные имена: аль-Насир (“победитель”) и аль-Адиль (“справедливый”).

Специалисты по мамлюкскому периоду обычно называют султана Бейбарса I по имени (а не по лакабу аль-Захир), хотя других мамлюкских правителей чаще именуют их царственными именами. Исключением является лишь Мухаммед I аль-Насир, которого называют и так, и этак. Этой противоречивой традиции следую и я.

При описании османского периода я отдаю предпочтение турецким, а не арабским версиям имен менее известных персонажей. Во многих случаях я просто использую наиболее употребительную версию имени: Джемаль-паша вместо иногда встречающегося Кемаль (турецкое “с” читается именно как “дж”).

Ханаан, Иудея, Израиль, Палестина, Билад аль-Шам, Великая Сирия, Келесирия, Святая земля – это лишь некоторые названия, которые использовались для описания нескольких стран и территорий с нечеткими границами. Некоторые исследователи утверждают, что у Иерусалима было за всю его историю 70 названий. Святыни в черте самого города также именовались и именуется по-разному. Иудейский Храм называют также Обителью Бога и Свя-

тым домом. Купол, Куббат ас-Сахра, храм Господень, Темплум Домини – все эти названия соотносятся с Куполом Скалы. Мечеть аль-Акса также именовалась Храмом Соломоновым. Хар а-Баит – иудейское, а Харам аш-Шариф – арабское название для Храмовой горы, которую я также называю Священной площадкой (Эспланадой). Святилищем звалась Святая Святых, а позднее и вся Храмовая гора, которую мусульмане называют Харам (Святое место). Для мусульман двумя Святилищами являются Иерусалим и Хеврон с Пещерой Патриархов. С храмом Гроба Господня также соотносятся названия: Анастасис, Гроб Господень, Дейр ас-Султан. Скала по-арабски – Сахра; Краеугольный камень, или Камень Основания, на иврите – Эвен ха-Штия, а Святая Святых – Кодеш ха-Кодешим. Стена, ха-Котель а-Маарави, Западная стена, Стена Плача и аль-Бурак – названия священных мест молитвы иудеев. Цитаделью и Башней Давида называют Иродову крепость рядом с Яффскими воротами. Гробница Пресвятой Богородицы находится в долине Иосафатовой, она же – Кедронская долина. Гробница Давида, Наби Дауд, Сенакль, Сионская горница – так называют святыню на горе Сион. Все ворота в Иерусалиме имеют так много названий и эти названия так часто менялись, что перечислять их все было бы бессмысленно. Каждая улица в городе имеет по меньшей мере три названия: главная улица Старого города по-арабски называется Эль-Вад, на иврите – ха-Гай, по-английски – *Valley* (“Долина”).

Восточную Римскую империю традиционно называют Византией, а ее столицу – Константинополем. После 1453 года я именую город Стамбулом. Приверженцев западного христианства называю латинянами и католиками. Взаимозаменяемы также названия Иран и Персия.

О титулах: во времена Римской республики словом “принцепс” называли сенаторов, значившихся первыми в списке; в период империи, начиная с Августа, “принцепс Сената” означал носителя монархической власти – императора. Византийские императоры стали со временем именоваться базилевсами (греческий титул монарха с наследственной властью). В эпоху раннего ислама преемники Мухаммеда звались повелителями правоверных и халифами. Султан, падишах и халиф – титулы османских правителей. В Германии император назывался кайзером; российские самодержцы, начиная с Петра Великого, короновались императорами, но назывались по традиции царями.

Пролог

В восьмой день иудейского месяца ава, то есть в конце июля 70 года от Рождества Христова, полководец Тит, сын римского императора Веспасиана, уже четыре месяца осаждавший Иерусалим, приказал своим воинам готовиться к решающему штурму Храма. Штурм был назначен на следующее утро на заре – в годовщину того самого дня 500 лет назад, когда старый Храм Соломонов, стоявший на этом же месте, был сожжен вавилонянами. Под командованием Тита находилось четыре легиона – в общей сложности 60 тысяч римских солдат и их союзников из воинства окрестных князьков, жаждавших нанести последний удар сломленному, но все еще не желавшему сдаться городу. За его стенами в нечеловеческих условиях боролись за жизнь около полумиллиона умирающих от голода евреев: частью – религиозные фанатики-зелоты, частью – отпетые головорезы, но большинство – мирные горожане со своими семьями, у которых не было никакой возможности бежать и спастись из города, ставшего для них смертельной западней. Среди них было много людей диаспоры – евреев, которые постоянно проживали за пределами Иудеи, в самых разных регионах Средиземноморья и Ближнего Востока, и которые пришли в Иерусалим отпраздновать Пасху. Этой последней, отчаянной в своей безнадежности битве суждено было решить не только судьбу города и его жителей, но также будущее иудаизма, будущее едва пустившего ростки христианства, а если заглянуть на шесть столетий вперед – то и предопределить возникновение ислама.

Римляне подвели к стенам насыпи для осадных орудий, но все их приступы были отбиты. На рассвете в день решительного штурма Тит заявил своим офицерам, что “пощада чужих святынь”¹ до сих пор стояла слишком много римских жизней, и приказал поджечь ворота Храма. Серебро, которым были обиты ворота, расплавилось, и пламя перекинулось на деревянные наличники и окна, а затем, бушуя с удвоенной силой, охватило и балки галерей, окружавших двор Храма. Тогда Тит повелел затушить огонь. Римлянам, заявил он, “не следует вымещать злобу против людей на безжизненных предметах”. Затем он приказал командирам дать отдых войску и удалился на ночлег в свою ставку в полуразрушенной крепости Антония, смотревшей прямо на величественный храмовый комплекс.

Происходившее подле стен иерусалимских было столь ужасным, будто на земле воцарился ад. Тысячи трупов разлагались на солнце. Смерд стоял невыносимый. Стаи собак и шакалов терзали мертвую человеческую плоть. В ходе осады Тит приказал распинать всех пленных и перебежчиков, и каждый день римляне вешали на кресты по 500 евреев. Масличная гора и утесистые высоты окрест города были сплошь усеяны этими крестами.

“Солдаты Тита в своем ожесточении и ненависти пригвождали пленных для насмешки в самых различных местах и разнообразных позах. Число распятых настолько возросло, что не хватало места для крестов и недоставало крестов для тел”: ради строительства осадных валов римляне вырубали все деревья, так что кресты не из чего было сделать. Многие жители Иерусалима так отчаянно хотели вырваться из города, что сами перебегали к неприятелю. Перед тем как покинуть город, они проглатывали свои деньги, чтобы затем, избавившись от надзора римлян, извлечь их. Из-за долгой голодовки перебежчики являлись к римлянам “распухшие и словно одержимые водянкой”. Но, набросившись на еду, они “лопались”, и в вылезших наружу внутренностях один сирийский солдат обнаружил проглоченные монеты.

По лагерю быстро разнесся слух, что перебежчики набиты золотом. Солдаты стали вспарывать животы всем подряд и потрошить внутренности еще живых пленников в жажде наживы. Узнав об этом, Тит пришел в негодование и попытался воспретить это анатомическое

---

¹ Здесь и далее автор приводит в кавычках цитаты из “Иудейской войны” Иосифа Флавия. По-русски цитаты даны в переводе Я. Л. Чертока. – Прим. ред.

мародерство. Но тщетно: союзники Тита, кровожадные сирийцы, которые ненавидели евреев и были ненавидимы последними со всем ожесточением, присущим соседям, продолжали свои зверские игры. Бесчинства, которые творили в Иерусалиме и римляне, и повстанцы, вполне сравнимы с худшими из злодеяний XX века.

Восстание евреев началось, когда глупость и алчность римских прокураторов восстановили против римлян даже иудейскую знать, прежде лояльную Риму. Ради общего дела аристократы примкнули к повстанцам, среди которых были как глубоко верующие иудеи, так и отчаянные головорезы. Воспользовавшись падением императора Нерона и неясностью в вопросе о том, кто следующим взойдет на престол империи, повстанцы вознамерились изгнать римлян и восстановить независимое иудейское государство, твердыней которого должен был снова стать Храм. Однако еврейское восстание, едва начавшись, захлебнулось в кровавых междоусобицах различных группировок.

Гибель Нерона создала вакуум власти, в котором стремительно сменили друг друга три императора. К тому моменту, когда власть оказалась в руках Веспасиана, который поручил своему сыну Титу покорить мятежный Иерусалим, Святой город уже успели поделить между собой три предводителя мятежников, обратившие оружие друг против друга. Эти иудейские полевые командиры сначала развязали побоища во дворах Храма, заливая их кровью, а затем начали грабить город. Солдатня рыскала в богатых кварталах. Жадность их “сделалась ненасытной: дома богатых обыскивали; убийства мужчин и осквернение женщин служили им утехой”. Опьяненные безнаказанностью, запахом крови и, вероятно, вином из разгромленных погребов, они “бесстыдно предавались женским страстям, завивая себе волосы, надевая женское платье, натирая себя пахучим маслом и для красоты подводя себе глаза”. Явившиеся из провинции головорезы, прятавшие под пестрым платьем кинжалы, не раздумывая, убивали каждого, становившегося на их пути. В бесчинствах они не забывали потворствовать и своей “противоестественной похоти”. Иерусалим, оскверненный их злодеяниями, превратился в “дом непотребства”, в камеру пыток.

И все же город оставался святыней. Так или иначе, в Храме продолжались жертвоприношения. В апреле, на Пасху, как раз перед тем, как римляне осадили город, в Иерусалим, как обычно, прибыло множество паломников. В городе и в обычное время проживали десятки тысяч. Теперь же, когда римляне лишили паломников возможности покинуть Иерусалим, в нем теснились сотни тысяч человек. И лишь после того, как Тит приказал окружить город осадным валом, главари мятежников прекратили междоусобицы и решились объединить двадцать одну тысячу своих воинов, чтобы сообща дать отпор римлянам.

Город, который Тит рассматривал с горы Скопус, получившей свое название от греческого *skopos* – “наблюдатель”, являл собой, по словам Плиния Старшего, “самый прославленный город среди городов Востока”. Богатая, процветающая столица, возникшая вокруг одного из самых величественных храмов Древнего мира, уникального, грандиозного в своем масштабе произведения архитектурного искусства. Иерусалим существовал уже много сотен лет, но никогда прежде этот город, раскинувшийся на двух холмах среди бесплодных, унылых скал Иудеи и окруженный тройной стеной с множеством массивных башен, не был таким многолюдным и не казался таким грозным, как в I веке новой эры. И вплоть до XX столетия он не сможет вернуть себе былой мощи.

Величие Иерусалима того времени – дело рук царя Ирода Великого, блестящего правителя, но при этом жестокого психопата, который возвел в городе дворцы и крепости столь монументальные и столь роскошные, что иудейский историк Иосиф Флавий вынужден был признать: у него нет “возможности по достоинству описать” их.

Храм затмевал своим величием все прочие строения в городе. “Покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листьями, он сверкал на утреннем солнце огненным блеском, ослепляя глаза, словно солнечные лучи”. Чужестранцам вроде Тита и его легионеров, видевшим

Храм впервые, “он издали казался покрытым снегом, ибо там, где он не был позолочен, он был ослепительно бел”. Благочестивые иудеи знали, что в глубине дворов этого “города в городе”, раскинувшегося на вершине Храмовой горы, скрыто совсем небольшое помещение, наполненное высшей степенью святости – Святая Святых, обитель Самого Господа.

Храм был святилищем, но он также представлял собой почти неприступную крепость, внутренний оплот в центре обнесенного стенами города. Евреи, воодушевленные тем, что железная хватка империи в “год четырех императоров” явно ослабла, и решившие, что они в безопасности среди своих скал и обрывов, под защитой городских стен и укреплений самого Храма, в котором любой чужак заблудился бы, словно в лабиринте, решили оказать сопротивление Титу. Возможно, это было слишком самонадеянно, но, в конце концов, они оказывали открытое неповиновение Риму уже почти пять лет. Однако у Тита были полномочия, амбиции, ресурсы и талант полководца – то есть все необходимое для выполнения стоявшей перед ним задачи. Он решил принудить Иерусалим к сдаче систематической бомбардировкой и демонстрацией собственных превосходящих сил. Каменные ядра для баллист, найденные в туннелях у Западной стены Храма, были, по всей видимости, выпущены по приказу Тита и наглядно свидетельствуют об интенсивности, с которой римляне обстреливали город. Евреи сражались за каждую пядь своей земли с почти самоубийственной самоотверженностью. И все же Тит, в распоряжении которого был полный арсенал осадных приспособлений, метательных орудий и вся изобретательность гениальных римских военных инженеров, на 15-й день осады смог преодолеть внешнюю стену. Он повел тысячу своих легионеров в лабиринт иерусалимских улочных рынков и приступил к штурму второй стены. Однако иудеи предприняли вылазку и отбили приступ. Римлянам придется штурмовать ее еще раз.

Затем Тит попытался запугать горожан демонстрацией силы: все его войско прошло под стенами в полном парадном обмундировании – в панцирях, шлемах, со щитами, штандартами и сверкающими орлами – знаками легионов; “кони под всадниками также были во всем убранстве”. Тысячи жителей Иерусалима собрались на стенах, чтобы увидеть римскую армию, “вся древняя стена и северная сторона Храма были переполнены зрителями”. Иудеи вполне оценили “пышность оружия и отличный порядок среди солдат”, однако не испугались и решили продолжать сопротивление. А может быть, они просто слишком боялись собственных командиров, отдавших решительный приказ: не сдаваться.

В конце концов Тит решил полностью блокировать Иерусалим кольцевым осадным валом. На исходе июня римляне взяли штурмом огромную крепость Антония, господствовавшую над Храмовой горой, и разрушили ее до основания, сохранив только одну, центральную башню, на которой Тит устроил свой командный пункт.

К середине лета, когда ноздреватые склоны окрестных холмов покрылись лесом крестов с лопающимися на жаре трупами распятых, жители Иерусалима уже изнемогали от предчувствия неминуемой гибели, а город продолжал корчиться в тисках непримиримого фанатизма, изощренного садизма и все более жуткого голода. Повсюду в поисках еды бродили вооруженные банды: “Мятежники вторгались в частные дома и обыскивали их... Жены вырывали пищу у своих мужей, дети – у своих родителей, но самыми бесчеловечными были матери, съедавшие пищу у своих бессловесных детей: любимые детища у них на руках умирали от голода, а они, не смущаясь, отнимали у них последнюю каплю молока”. Запертый дом служил мятежникам признаком того, что обитатели прячут провизию: они “вторгались внутрь и вырывали куски почти из глоток”. Даже если грабители были сыты, они пытались и убивали жителей просто по привычке, чтобы, так сказать, не утратить навыка.

Город раздирали настоящие охоты на ведьм, ибо каждый в каждом подозревал изменника и заговорщика. Ни один город, свидетельствует очевидец этих событий Иосиф Флавий, “не переносил чего-либо подобного и ни одно поколение, с тех пор как существует мир, не сотворило большего зла”.

Люди “блуждали, как призраки, на площадях города и падали на землю там, где их настигала голодная смерть”. Жители умирали от потери сил, пытаясь похоронить своих близких. Хоронили без разбору, иные еще дышали. Голод “похищал у народа целые дома и семейства”, лишал людей всяких эмоций: “с высохшими глазами и широко раскрытыми ртами смотрели медленно угасающие на тех, кто уже обрел покой. Вязкая тишина, как страшная могильная ночь, нависла над городом”. И все же те, кто умирал, делали это, устремив “потухшие глаза к Храму”.

Улицы были завалены горами трупов. Вскоре, несмотря на еврейский обычай, никто уже не хоронил мертвецов, и величественный некогда город превратился в гигантскую свалку мертвых тел. Возможно, Иисус Христос говорил именно об этом, предвещая грядущий апокалипсис: “Пусть мертвые хоронят своих мертвецов”. Иногда повстанцы попросту сбрасывали трупы со стен. Римляне складывали их в гигантские разлагающиеся кучи. И все же горожане продолжали сопротивление.

Сам Тит – лишенный сантиментов римский воин, лично убивший в первой же стычке 12 мятежников, – ужасался, содрогался и призывал богов в свидетели, “что он невиновен во всем этом”. “Любовь и отрада рода человеческого”, Тит был известен своим великодушием. “Друзья, я потерял день”, – говорил он, вспомнив во время застолья, что “за целый день никому не сделал хорошего”. Сильный и крепкий, с раздвоенным подбородком, мягкой линией рта и пухлым лицом, Тит уже проявил себя талантливым полководцем и завоевал популярность в народе. Судьба новой, еще не утвердившейся династии во многом зависела от того, удастся ли Титу одержать победу над иудейскими мятежниками.

В окружении Тита было множество перебежчиков-евреев, в том числе трое жителей Иерусалима – историк, царь и сестра царя, ныне ставшая любовницей римского полководца. Историк по имени Иосиф Флавий был прежде одним из командиров еврейских мятежников, затем перешел на сторону римлян, стал советником Тита и оставил нам единственное описание Иудейской войны глазами очевидца. Царя звали Ирод Агриппа II – это был в высшей степени романизированный еврей, воспитанный при дворе императора Клавдия; он был почитателем иерусалимского Храма, построенного его знаменитым прадедом, Иродом Великим. Ирод Агриппа много времени проводил в своем иерусалимском дворце, хотя владел также обширными землями на севере современного Израиля, в Сирии и Ливане.

Агриппу почти всегда сопровождала его родная сестра Береника. Она трижды побывала замужем (в том числе дважды становилась царицей), а недавно вступила в любовную связь с Титом. Впоследствии ее недруги в Риме окрестили ее “еврейской Клеопатрой”. Беренике было около сорока лет, однако она находилась “в расцвете своей красоты”, отмечает Иосиф. В начале иудейского восстания Береника и ее брат, жившие вместе (и находившиеся в кровосмесительной связи, как утверждали их враги), пытались увещевать мятежников, взывая к их благоразумию. Теперь же эти три еврея беспомощно наблюдали за “смертельной агонией славного города”, причем Береника делала это непосредственно из постели его разрушителя.

Пленники и перебежчики приносили из города вести, приводившие в ужас Иосифа, чьи родители все еще оставались в стенах осажденного Иерусалима. Даже у воинов на стенах закончились запасы пищи, и они также начали преследовать, обыскивать и расчленять совсем немощных и мертвых в поисках золота или еды, блуждая повсюду “с широко разинутыми ртами, как бешеные собаки”. Они ели навоз домашних животных, кожу, которую срывали со своих щитов, варили кожаные пояса, башмаки, набивали рты сухим сеном. Некая богатая женщина по имени Мария, потеряв все свои деньги и лишившись съестных припасов, настолько обезумела от голода и злобы, что умертвила собственного сына, “изжарила его и съела одну половину, другую половину прикрыла” и оставила про запас. Запах жареного мяса распространился по городу, мятежники почуяли его и вторглись в дом. Но даже эти отъявленные голово-

резы ужаснулись при виде наполовину съеденного детского тела и удалились “в страхе и трепете”.

Шпиономания и безумие завладели Священным городом – так он именовался на иудейских монетах. Сумасшедшие шарлатаны и призывавшие к непрестанной молитве проповедники бродили по улицам, суля освобождение и спасение. Иерусалим был, по словам Иосифа, подобен дикому зверю, обезумевшему от голода и готовому пожрать собственную плоть.

В восьмую ночь месяца ава Тит удалился в свою палатку, приказав легионерам затушить огонь, вспыхивавший повсюду, куда достигало расплавленное серебро обшивки ворот. Но защитники города напали на римских пожарных. Римляне, поначалу отступившие под их натиском, затем все же оттеснили евреев во внутренний двор Храма. Один из легионеров, “точно по внушению свыше, схватил пылающую головню и, приподнятый товарищем вверх, бросил ее через золотое окно, которое вело в окружающие храм помещения с северной стороны”. Иудеи, завидев, как пламя пожирает Святая святых, “подняли вопль, достойный столь рокового момента, и ринулись на помощь Храму, не щадя сил” и своих жизней. Но было слишком поздно. Повстанцы вновь забаррикадировались во внутреннем дворе и оттуда взирали на огонь в молчаливом ужасе.

Тит находился всего в нескольких метрах от пожара, в руинах крепости Антония. Когда ему доложили о происходящем, он сразу вскочил с ложа и “бросился к Храму, чтобы прекратить пожар”. Его сопровождали Иосиф и, возможно, Агриппа с Береникой. А следом спешили тысячи римских солдат – все “переполошенные происшедшим”. Пламя неистовствовало. Иосиф утверждает, будто Тит снова приказал тушить пожар, но у этого историка-коллаборациониста были все основания оправдывать своего покровителя. Как бы там ни было, к небу возносились вопли, пожар бушевал, а римские солдаты помнили, что по законам войны город, столь долго и упорно сопротивлявшийся, должен быть отдан им на разграбление.

Они делали вид, что не слышат приказов Тита, и кричали своим товарищам, стоявшим в передних рядах, чтобы те бросали еще больше огня в Храм. Солдаты были настолько увлечены происходящим, что многих из них затоптали свои же или они задохнулись среди дымящихся развалин, жажда мщения и золота (которого римляне в результате награбили столько, что после падения Иерусалима оно вдвое упало в цене в восточных провинциях империи). Тит, не в силах остановить пожар и, наверное, уже предвкушая окончательную победу, прошел по горящему Храму и вошел в Святая Святых. Даже первосвященнику позволялось вступать сюда только раз в год, и ни один чужестранец не осквернял святости этого места с того момента, как в 63 году до н. э. сюда вошел Помпей, покоритель Иерусалима.

Теперь и Тит “вступил в Святая Святых и обозрел его внутренность. Он нашел все гораздо более возвышенным, – пишет Иосиф, – чем та слава, которой это место пользовалось у чужестранцев, и нисколько не уступающим восхвалениям и высоким отзывам туземцев”. Тогда Тит приказал своим центурионам наказывать солдат, продолжавших поджигать Храм, но их “гнев и ненависть к иудеям и пыл сражения превозмогли даже уважение к цезарю”. И когда адское пламя взметнулось уже в Святая Святых, сопровождавшие Тита настояли, чтобы он удалился в безопасное место. “И никто уже не препятствовал стоящим снаружи солдатам поджигать”.

Побоище продолжалось и в огне. Ошеломленные, изголодавшиеся, потерянные и отчаявшиеся жители Иерусалима бродили по горящим галереям. Тысячи людей – и мирных жителей, и вооруженных повстанцев – собрались на ступенях жертвенника, готовые дать последний безнадежный бой или просто умереть. Хмельные от ярости и близкой победы легионеры перерезали всех, и учиненная бойня напоминала массовое жертвоприношение: вокруг алтаря грудой лежали тела мертвых, и кровь текла рекой по его ступеням. Десять тысяч евреев погибли в пылающем Храме.

Трескавшиеся камни и горевшие деревянные балки производили звук, напоминавший протяжные раскаты грома. Иосиф описывает гибель Храма:

“Треск пылавшего повсюду огня сливался со стонами падавших. Высота холма и величина горевшего здания заставляли думать, что весь город объят пламенем. И ужаснее и оглушительнее того крика нельзя себе представить. Все смешалось в один общий гул: и победные клики дружно подвигавшихся вперед римских легионов, и крики окруженных огнем и мечом мятежников, и смятение покинутой наверху толпы, которая в страхе, вопя о своем несчастье, бежала навстречу врагу; со стенаниями на холме соединялся еще плач из города, где многие, беспомощно лежавшие, изнуренные голодом и с закрытыми ртами, при виде пожара собрали остаток своих сил и громко взвыли. Наконец, эхо, приносившееся с Переи и окрест лежащих гор, делало нападение еще более страшным. Но ужаснее самого гула была действительная участь побежденных. Храмовая гора словно пылала от самого основания, так как она со всех сторон была залита огнем, но шире огненных потоков казались лившиеся потоки крови, а число убитых больше убийц”.

Храмовая гора – одна из двух гор иерусалимских, та, на которой царь Давид в свое время поместил Ковчег Завета, а его сын Соломон построил Первый Храм, – была со всех сторон охвачена огнем; под мертвыми телами не было видно земли. Солдаты ступали прямо “по грудам мертвецов”. Священники еще пытались сопротивляться, а некоторые бросились в огонь и сгорели вместе с Храмом. Римляне, видя, что внутренний храм уже разрушен, рыскали в поисках золота и драгоценной утвари и, вне себя от возбуждения, спешили вынести добычу, пока огонь окончательно не поглотил здание.

Когда внутренний двор выгорел и начал заниматься рассвет нового дня, уцелевшие повстанцы все же прорвались через римские укрепления в лабиринт внешних дворов, некоторым даже удалось укрыться в городе. Римляне в ответ пустили конницу, “убивая иудеев на пути несметными массами”, а затем подожгли сокровищницу Храма, где хранилось бесчисленное множество серебряных монет – храмовый налог, который обязаны были платить все евреи, проживавшие на огромном пространстве от Александрии до Вавилона. Сокровищница находилась в женском дворе Храма, где собрались шесть тысяч женщин и детей: их привел сюда некий лжепророк, велевший им ждать в Храме “знамений вашего спасения”. Легионеры подожгли галерею, окружавшую двор, и все эти несчастные сгорели заживо.

Римляне водрузили своих орлов на Храмовой горе и в присутствии Тита совершили благодарственные жертвоприношения своим богам, приветствуя своего военачальника почетным титулом *imperator* – “властитель”.

Несколько священников все еще скрывались подле Святой Святых. Двое из них бросились в огонь и сгорели заживо, а один вымолил себе помилование, выдав римлянам храмовые сокровища – два золотых светильника и “много другой утвари, употреблявшейся при богослужении... облачения и пояса священников, массу пурпура и шарлаха... много корицы, кассии и других благовонных веществ, из которых каждый день составлялась смесь для воскурения Богу”. Когда же, изнуренные голодом, сдались и остальные священники, Тит приказал их казнить со словами: “Жрецам подобает погибнуть вместе со своим храмом!”

Иерусалим был (и до сих пор остается) городом подземных туннелей. И уцелевшие повстанцы растворились в подземельях, сохраняя при этом контроль над Сионской крепостью (Нижним Городом) и Верхним городом на западном холме. Титу потребовался еще месяц, чтобы окончательно покорить Иерусалим. Когда же город наконец пал, римляне со своими сирийскими и греческими союзниками “устремились с обнаженными мечами по улицам, убивая беспощадно всех попадавшихся им на пути и сжигая дома вместе с бежавшими туда людьми”. С наступлением вечера кровавое побоище прекратилось, “огонь же продолжал свирепствовать и ночью”.

Тит провел переговоры с двумя предводителями повстанцев на мосту, перекинутом через долину, разделявшую Верхний город и Храмовую гору. Римский полководец обещал мятежникам жизнь, но те снова отказались сдаться. Тогда Тит приказал жечь и грабить Нижний город, в котором едва ли не каждый дом и так был наполнен мертвыми телами. Когда мятежники отступили во дворец и Цитадель Ирода, Тит построил осадный вал у стен Верхнего города, чтобы под его прикрытием сделать подкопы под стены. В седьмой день месяца элула, то есть в середине августа, римляне пошли на штурм. В конце концов евреи, сражавшиеся в подземных туннелях города под началом одного из своих вождей, Иоанна из Гисхалы, сложили оружие (самого вождя римляне пощадили, хотя и обрekli на вечное заточение). Другой вождь иудеев, по имени Шимон Бар-Гиора, вышел в белой тунике из подземного убежища под Храмом и был тут же закован в цепи; Тит “приказал сохранить его для триумфа, который имел в виду праздновать в Риме”.

Разграбив город, римляне начали методично разрушать его. Иерусалим исчез с лица земли, и время сохранило для нас леденящие свидетельства гибели города и горожан. Римляне не щадили ни старых, ни немощных: скелет женской кисти, найденный на пороге сгоревшего дома, свидетельствует о панике и ужасе, царивших в погибающем городе; пепел домов в Еврейском квартале дает представление об огненном аде, бушевавшем здесь. Две сотни бронзовых монет были обнаружены в лавке на улице под монументальной лестницей, ведущей к Храму: видимо, кто-то пытался в последние минуты перед гибелью спрятать свои сбережения.

Вскоре и сами римляне устали убивать. Уцелевших жителей Иерусалима согнали в женский двор Храма, и там римляне каждому определили его участь: тех, кто был схвачен с оружием в руках, убили на месте, крепких телом отправили в египетские рудники, молодых и красивых продали в рабство, иных отобрали на растерзание львам в цирковых зрелищах или предназначили для триумфального шествия в Риме.

Иосиф Флавий обнаружил среди несчастных пленников собственного брата и полсотни друзей, которых Тит по его просьбе освободил. Родители Иосифа, вероятно, погибли. Еще троих своих друзей Иосиф узнал среди распятых, но еще живых. Пораженный в самое сердце, он сказал об этом Титу, и тот приказал снять казненных с крестов и привести к ним врача. Но из троих выжил только один.

Тит решил, как когда-то Навуходоносор, сравнять город с землей, однако ответственность за гибель Иерусалима Иосиф возлагает прежде всего на мятежников: “Междоусобная война уничтожила город, а римляне уничтожили междоусобицу”. Разрушение Храма, самого внушительного и монументального сооружения Ирода Великого, было, вероятно, непростой инженерной задачей. Огромные тесаные камни Царского портика рухнули вниз на недавно вымощенную площадь; эта гигантская каменная груда была найдена спустя две тысячи лет на том же месте под многовековой толщей культурного слоя. Каменные обломки заполнили долину – ныне почти незаметную – между Храмовой горой и Западным холмом. *Сломи*, архитектурные детали и фрагменты Иродова Храма и разрушенного города I века, можно и сегодня увидеть в самых разных городских кварталах: эти камни снова и снова использовались всеми завоевателями и строителями Иерусалима – от римлян и арабов до крестоносцев и турко-османов – на протяжении более чем десяти столетий после Тита.

Никто не знает точно, сколько людей погибло при падении Иерусалима; древние авторы довольно беззаботно обращаются с цифрами. Тацит считает, что в осажденном городе было заперто 600 тысяч человек, а Иосиф Флавий утверждает, что их было больше миллиона. Но каково бы ни было точное число жителей и защитников Иерусалима, оно огромно, и все эти люди либо умерли от голода, либо были убиты или проданы в рабство.

Из Иерусалима Тит отправился в гости к Беренике и Агриппе в их столицу – Кесарию Филиппову (этот город находился на горном плато, которое сейчас называется Голанскими высотами). Там он “устраивал всякого рода зрелища, где множество пленников нашли свою

смерть, частью в борьбе с дикими животными, большей же частью в поединках друг с другом, к которым их принуждали” победители. Затем покорителя Иерусалима чествовали на празднествах в цирке Кесарии Приморской, которые стоили жизни еще 2,5 тысячи пленных, убитых в ходе цирковых зрелищ. Еще больше евреев были преданы мученической смерти на потеху победителям в Бейруте. И наконец, Тит отправился в Рим, чтобы справить там триумф.

Тем временем его легионеры разрушили практически весь Иерусалим. Тит приказал оставить только часть обводной стены, чтобы разместить там гарнизон Десятого легиона, и три башни Цитадели Ирода, которые должны были “служить свидетельством для потомства, как величественен и сильно укреплен был город, павший перед мужеством римлян”. “Таков был конец этого великолепного, всемирно известного города”, – заключает Иосиф Флавий.

За пять столетий до этих событий вавилонский царь Навуходоносор полностью разрушил Иерусалим. Множество пленных было угнано в Месопотамию, и все же через 70 лет после этого евреи вернулись в город, а Храм был отстроен заново. Однако после погрома, учиненного римлянами, Храм так никогда и не будет восстановлен, а евреям, если не считать нескольких кратких периодов, не суждено было снова стать хозяевами Иерусалима еще без малого две тысячи лет. И все же в пепел этой ужасной катастрофы легли семена, из которых пророс современный иудаизм: именно этот погром превратил Иерусалим в святыню для христианства, а позже – для ислама.

Согласно одной из возникших гораздо позже раввинистических легенд, в самом начале осады иерусалимский раввин Иоханан бен Заккай приказал своим ученикам вынести себя из обреченного города в гробу – метафора рождения нового иудаизма, больше не опирающегося на культ жертвоприношений в Храме.

Иудеи, выжившие в Иудее и Галилее, а также большие еврейские общины, рассеянные в землях Римской и Персидской империй, оплакивали потерю Иерусалима и благословляли разрушенный город. Библия и устное предание заняли в иудаизме место Храма, но, согласно одному из преданий, Божественное присутствие (*Шхина*) на три с половиной года почilo на Масличной горе, ожидая, не будет ли восстановлен Храм, прежде чем отлететь на небеса.

Разрушение Иерусалима имело решающие последствия и для христиан. Маленькая христианская община Иерусалима, возглавляемая Симоном, сводным братом Иисуса, покинула город еще до того, как римляне осадили его. Хотя в римском мире к тому времени было уже немало крещеных язычников, члены иерусалимской общины считали себя соблюдающими Закон иудеями и молились в Храме. Теперь же, когда Храм был разрушен, христиане во всех концах империи решили, что избранный народ лишился благоволения Божьего: последователи Христа провозгласили самих себя “избранным народом”, единственными правомочными наследниками ветхозаветного иудаизма. Христиане рисовали в своем воображении новый, Небесный Иерусалим, а не разрушенный еврейский город. Самые ранние из Евангелий, написанные, вероятно, вскоре после падения Иерусалима, содержат пророчества Иисуса о гибели города (“когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его”) и о разрушении Храма (“...из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено”). Разрушенное святилище и гибель иудеев стали для христиан еще одним доказательством истинности нового Откровения.

В 620-х годах, когда пророк Мухаммед начал проповедь своей религии, он позаимствовал для нового культа некоторые иудейские традиции: например, обычай обращаться лицом к Иерусалиму во время молитвы и почитание иудейских пророков. Он также считал, что разрушение Храма стало доказательством того, что Бог лишил своей милости евреев, перенеся ее на сынов ислама.

Есть большая ирония истории в том, что решение Тита разрушить еврейский город сделало Иерусалим воплощением святости для двух других “народов Книги”. Однако образ Святого Города не возник сам собой; этот образ ковался сознательными усилиями нескольких

великих людей. Около 1000 года до н. э., за тысячу с лишним лет до Тита, первый из этих людей захватил Иерусалим.

Это был царь Давид.

Часть первая. Иудаизм

*...И назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израилева...
Встань, встань, облекись в силу твою, Сион! Облекись в одежды
величия твоего, Иерусалим, город Святый!*

Исайя, 60:14, 52:1

*Я... родился в Иерусалиме, где стоит верховный Храм Всевышнего,
Великого Бога... Святой город, метрополия не только Иудеи, но многих
других земель, ибо когда-то еврейские переселенцы обосновались как
в сопредельных странах – в Египте, Финикии и Сирии, – так и в
далеких – в Памфилии, Киликии и в Азии вплоть до Вифинии и самых
отдаленных заливов Понта; и точно так же в Европе – в Фессалии,
Беотии, Македонии, Этолии, Аттике, Аргосе, Коринфе – в большинстве
лучших земель Пелопоннеса...*

Не говорю о землях за Евфратом.

Иудейский царь Агриппа I.

Цитируется у Филона Александрийского

*Тот, кто не видел Иерусалима в его красе, никогда в жизни не видел
желанного города. Тот, кто не видел Храма Ирода, никогда в жизни не
видел красивого здания.*

Вавилонский Талмуд

*Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня, десница моя;
прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не
поставлю Иерусалима во главе веселия моего.*

Псалом 137

Иерусалим – самый знаменитый из всех городов Востока.

Плиний Старший. Естественная история, 5:15

1. Мир Давида

Первый царь и хананеи

Когда Давид завоевал крепость Сион, Иерусалим уже был древним поселением. Но едва ли его можно было назвать городом: это было всего лишь небольшое укрепление на вершине горы, в краю, носившем в разные времена разные имена – Ханаан, Земля Иудина, Иудея, Израиль, Палестина...

Земля Обетованная евреев, Святая земля христиан – это совсем небольшая территория, зажата между юго-восточным углом средиземноморского побережья и рекой Иордан и имеющая площадь всего 150 × 240 км². Покрытая пышной растительностью прибрежная равнина представляла собой удобный коридор, по которому торговцы и завоеватели перемещались из Египта в великие империи Передней Азии и обратно. Но городок Иерусалим стоял вдалеке от торного пути, в 50 км от ближайшей точки морского побережья, в уединении суровых скал и

---

² Для удобства читателя все меры, которые автор дает в английской системе, переведены в метрическую. – Прим. ред.

каменистых отрогов Иудейских гор, открытый морозным, иногда даже снежным зимам и изнуряющему, знойному летнему солнцу. Впрочем, обрывы суровых холмов обеспечивали хорошую защиту от врага, а внизу в долине бил источник, воды в котором жителям вполне хватало.

Романтический образ города Давида гораздо ярче реальной картины, которую мы можем сложить из немногих достоверных исторических свидетельств. Черепки, жутковатые скальные гробницы, остатки древних стен, надписи на камнях из кладки давно разрушенных царских дворцов и отдельные строки Священного Писания, словно мимолетные всполохи, время от времени озаряют туман доисторического прошлого, и одно такое свидетельство от другого отделяют сотни лет. Очередная находка, словно блуждающий огонек, вдруг озаряет дрожащим светом какую-нибудь случайную деталь исчезнувшей цивилизации, а затем снова наступают годы и столетия мрака, о которых нам совсем ничего неизвестно, и мы можем только фантазировать по поводу того, что же тогда происходило, пока новая случайная вспышка вдруг не осветит новый случайный эпизод. Лишь русла рек и ручьев, горы и долины сохранились с тех пор, но и они изменили свои направления и очертания под действием воды и ветра, геологических процессов и упорного человеческого труда. Но одно нам сегодня более или менее ясно: ко времени царя Давида три фактора – репутация святыни, хорошая защищенность и особенности природного окружения – превратили древний Иерусалим в твердыню, считавшуюся неприступной.

Люди уже жили в этом краю по меньшей мере за пять тысячелетий до новой эры. В самом начале бронзового века, около 3200 года до н. э., когда в месопотамском Уруке уже проживало 40 тыс. человек, а сосед Иерусалима, хорошо укрепленный ханаанский Иерихон считался весьма старинным городом, древние люди, погребавшие своих мертвых в гробницах, вырубленных в склонах иерусалимских холмов, начали строить на одном из них – как раз на том, у подножия которого струился источник, – небольшие квадратные в плане жилища, вероятно, обнесенные стеной. Это поселение было потом заброшено на многие годы, и едва ли Иерусалим вообще был обитаем в эпоху, когда фараоны египетского Древнего царства возводили свои пирамиды и вырубали из глыбы песчаника Великого Сфинкса. Зато в XX веке до н. э., когда на Крите расцветала минойская цивилизация, царь Хаммурапи составлял в Вавилоне свод законов, а бритты отправляли свой культ в Стоунхендже, городок под названием Урсалим был уже хорошо известен. Это название содержится в так называемых “текстах проклятий”³, обнаруженных при раскопках в Египте, недалеко от Луксора, и, возможно, означает “основанный Салимом” (или Шалемом) – так звали ханаанское божество вечерней звезды.

Поселение на территории Иерусалима развивалось вокруг источника Гихон: жившие здесь хананеи прорубили в скале отверстие, через которое вода из источника поступала в колодец, находившийся в черте крепостных стен. Хорошо укрепленный подземный ход обеспечивал безопасный доступ к воде. Раскопки последнего времени свидетельствуют, что источник был защищен башней в семь метров толщиной и стеной из каменных блоков весом в три тонны каждый. Возможно, башня одновременно служила и святилищем, в котором почитался обожествленный источник. Известно, что в других частях Ханаана цари-жрецы возводили такие же башнеобразные храмы-твердыни. Выше по склону холма археологи обнаружили остатки городской стены – самой древней в Иерусалиме. По-видимому, хананеи так и оставались самыми умелыми строителями в древнейшей истории Иерусалима, пока через две тысячи лет не пробил час Ирода Великого.

³ Египетские фараоны Среднего царства претендовали на власть в Ханаане, но неясно, насколько они в самом деле преуспели в этом. Возможно символы, начертанные на глиняных сосудах или антропоморфных фигурках, содержали проклятия или угрозы в адрес правителей враждебных народов. Разбив сосуд или статуэтку с названием города или именем врага, можно было навлечь на него несчастье. Теории по поводу этих артефактов менялись многократно, лишний раз доказывая, что археология – это не только материальные находки, но и их интерпретации (здесь и далее – прим. автора, если не оговорено иное).

Со временем Иерусалим оказался под властью египетских фараонов, захвативших Ханаан в 1485 году до н. э. Египетские гарнизоны стояли в Яффо и Газе. В 1350 году один из правителей Иерусалима в панике умолял своего владыку Эхнатона, египетского фараона Нового царства, прислать ему “хотя бы пятьдесят лучников”, чтобы он мог защитить свои крошечные владения от агрессивных князей-соседей и разбойничьих банд кочевников-хабиру⁴, терроризировавших округу. Царек по имени Абди-Хеба называет свой город “столицей земли Иерусалимской, имя которой Бейт-Шульмани” (то есть “дом Благоденствия”).

Абди-Хеба был совершенно ничтожной политической фигуркой в мире, в котором соперничали египтяне (к югу от Ханаана), хетты (к северу от него, на землях современной Турции) и ахейские греки. Первая часть имени царя – западно-семитская. Семиты – это группа народов Ближнего Востока, говоривших на различных, но родственных языках. Родословную семитов возводили к Симу, сыну Ноя. Абди-Хеба мог быть уроженцем любой области на северо-востоке Средиземноморья. Его послание Эхнатону, найденное в архиве фараона⁵, выражает панический страх и преисполнено подобострастия. Тем не менее, это первые дошедшие до нас подлинные слова жителя Иерусалима:

“Семь и семь раз припадаю к стопам царя, господина моего. И вот что сотворили Милкиилу и Шувардату против страны господина моего: они взяли воинов от Гезера и пришли... нарушив закон царя. И вот, земли царя оказались в руках хабиру. И вот, город земли Иерусалимской по имени Бет-Ниниб, город царя, господина моего, стал владением людей Киилу. Да послушает царь раба своего Абди-Хебу и да пришлет лучников...”

Нам неизвестно, как отреагировал фараон на это послание. Но чем бы ни закончилась трагическая история осажденного врагами царя, всего столетием позже жители Иерусалима возвели на холме Офель, выше источника Гихон, крутые ступенчатые террасы, сохранившиеся до наших дней, – основание цитадели, или храма Салима. Эти мощные стены, башни и террасы были частью хананейской цитадели, которая известна нам под названием Сион и которую со временем предстояло завоевать Давиду.

Где-то в XIII веке до н. э. Иерусалим перешел под власть иевусеев, еще одной из ханаанских народностей, но в этот период мир древнего Средиземноморья уже захлестывали волны новых захватчиков – загадочных “народов моря”, явившихся, вероятно, с эгейских островов. В буре набегов и миграций тонули целые империи. Пало хеттское царство, в результате неких загадочных событий рухнули Микены, непрерывным потрясениям подвергался Египет – тут-то на исторической сцене и появился народ, называвший себя евреями.

Авраам в Иерусалиме: израильтяне

Над восточным Средиземноморьем сгустились “темные века”, продлившиеся три столетия, и за это время евреи, они же сыны Израиля, – загадочный народ, поклонявшийся Единому Богу, – сумели найти себе место для расселения в тесном Ханаане и впоследствии основали здесь свое царство. История евреев озарена преданиями о сотворении мира, их собственном происхождении и их отношениях с Богом. Эти предания постепенно записывались в священных текстах, которые со временем сложились в Пятикнижие Моисеево – первую часть Танаха,

---

⁴ Одна из теорий отождествляет хабиру с первыми евреями, однако это слово широко использовалось в те времена на всем Ближнем Востоке для названия разбойников – на вавилонском (аккадском) языке оно означает нечто вроде “бродяги”. Возможно, евреи были потомками одной из небольших групп хабиру.

⁵ В этом архиве содержится около 380 глиняных табличек с клинописными посланиями различных местных властителей в канцелярию царя Аменхотепа IV (1352-1336) – фараона-“еретика”, пытавшегося заменить традиционный политеизм единобожием – культом солнечного бога Атона. Аменхотеп взял новое имя Эхнатон (“полезный для Атона”) и основал новую столицу – Ахетатон (“горизонт Атона”), ныне это городище Амарна к югу от Каира. Царский архив (“Дом Переписки”) был обнаружен в Амарне в 1887 г.

Священного Писания иудеев. Библия стала книгой книг, но это было не какое-то цельное произведение, а пестрое собрание мистических текстов, созданных неизвестными авторами, которые писали и редактировали их в разное время и с разными устремлениями.

Эти священные тексты, творение стольких эпох и стольких умов, иногда описывают исторические факты, достоверность которых подтверждена другими источниками, но также содержат явно неправдоподобные мифы, возвышенную эпическую поэзию, не говоря уже о множестве загадочных, не до конца объяснимых деталей – возможно, это какой-то шифр, а может быть, эти фрагменты просто неправильно поняты, переданы и переведены. Большая часть библейских текстов написана не ради точного изложения событий, а ради передачи высшей истины: описания взаимоотношений народа и его Бога. Для человека верующего Библия является плодом Божественного Откровения. Для историка это противоречивый, ненадежный, содержащий повторы и неясности⁶, но при всем том бесценный источник, – зачастую единственное имеющееся в нашем распоряжении описание тех или иных событий. И, наконец, это первая и самая важная биография Иерусалима.

Согласно Книге Бытие, первой книге Библии, родоначальником еврейского народа был Аврам – кочевник родом из месопотамского города Ур, переселившийся в ханаанский город Хеврон, в землю, завещанную ему Господом. Бог дал Авраму новое имя Авраам, что значит “отец множества народов”, и во время своих странствий по Ханаану еврейский праотец получил также благословение Мелхиседека, царя Салима и “священника Бога Всевышнего”. Это первое упоминание Иерусалима в Библии позволяет предположить, что город уже в ту пору был святилищем хананеев и в нем правили цари-священники. Позднее Бог пожелал испытать веру Авраама, повелев тому принести сына, Исаака, в жертву на горе в “земле Мориа”; гора Мориа впоследствии стала называться Храмовой горой.

Хитроумный Иаков, внук Авраама, обманом выманил у своего престарелого слепого отца Исаака благословение первородства в ущерб своему брату Исаву. Но в борьбе с неким таинственным странником искупил свой проступок и получил новое имя, Израиль – “соперник Бога”, “боровшийся с Богом”. Этот момент знаменует собой рождение еврейского народа, последующие отношения которого с Богом были драматичны и мучительны. Двенадцать сыновей Израиля стали прародителями двенадцати колен – двенадцати еврейских племен, со временем переселившихся в Египет.

В преданиях о праотцах так много противоречий и неувязок, что эти истории не поддаются точной исторической датировке, однако через 430 лет, в книге Исход, израильтяне предстают перед нами уже как угнетенные рабы египтян, занятые на строительстве городов фараона. А затем чудесным образом, с Божьей помощью, уходят из Египта (евреи до сих пор отмечают свое избавление от рабства праздником Пасхи), ведомые пророком по имени Моисей. Во время странствий по Синайскому полуострову Бог вручает Моисею Скрижали Завета с десятью заповедями, пообещав евреям Ханаан, Землю обетованную, при условии, что они будут жить, почитая и соблюдая эти заповеди. Но когда Моисей попытался узнать имя Бога, то получил таинственный ответ, исключающий даже возможность дальнейших расспросов: “Аз есмь Сущий”. По-древнееврейски это выражение передается буквами YHWH – Яхве, или, в более позднем искаженном варианте, Иегова⁷.

⁶ Акт Творения описан в Книге Бытие дважды (1:1–2:3 и 2:4–25). В ней приводятся две генеалогии Адама, две истории потопа, две версии завоевания Иерусалима и так далее. Налицо также множество анахронизмов: например, филистимляне и арамеи упоминаются в контексте более древней эпохи, когда они еще не пришли в Ханаан, выючные верблюды появляются в Библии задолго до того, как они на самом деле были одомашнены. Многие ученые считают, что самые ранние библейские книги представляют собой компиляцию из писаний двух разных авторов (или групп авторов): один из них называет Бога Элохим, другой – Яхве.

⁷ Во времена Храма лишь первосвященник и только раз в год мог произносить тетраграмму YHWH. Евреям и сегодня воспрещается проговаривать имя Бога вслух, и оно заменяется словами “Адонай” (“Господь мой”) или “ха-Шем” (досл. “Имя”).

Многим семитам случалось поселиться в Египте; одним из тех фараонов, которые заставляли евреев строить египетские города, был, по-видимому, Рамсес II Великий. Имя Моисей – египетского происхождения, и это позволяет предположить, что еврейский пророк, по меньшей мере, родился в Египте. И нет никаких оснований сомневаться в том, что первый харизматический вождь любой монотеистической религии, будь то Моисей или кто-либо иной, верил в то, что сподобился Божественного Откровения – потому что именно так начинаются все подобные религии. Так что предания семитского народа о спасении от угнетения представляются вполне правдоподобными, пусть даже они плохо поддаются точной датировке.

Моисей успел бросить взгляд на Землю обетованную с горы Нево, но умер прежде, чем смог вступить в Ханаан. Сынов Израиля повел туда его преемник Иисус Навин. Библия рисует еврейское завоевание Ханаана одновременно и как цепь кровавых побоищ, и как мирный процесс постепенного расселения и освоения новых земель. Археологических свидетельств завоевания Ханаана не найдено, однако пастухи-кочевники исстари основывали на иудейских нагорьях множество неукрепленных поселений⁸. Вполне вероятно, что в числе этих поселенцев была и небольшая группа израильтян, вышедших из Египта. Их объединяла вера в общего Бога, Яхве, которому они поклонялись с помощью переносной святыни – скинии, где хранился священный деревянный ларец, Ковчег Завета. Собственную идентичность они определяли рассказами о своих праотцах и патриархах. Многие из этих преданий – от легенды о сотворении Адама до жизнеописания Авраама – впоследствии станут частью священной истории не только иудеев, но также христиан и мусульман, а местом действия этих рассказов или их смысловым центром будет Иерусалим.

Никогда раньше сыны Израиля не подходили так близко к этому городу.

---

⁸ Вторжение евреев в Ханаан – исторический сюжет, породивший сложные и, как правило, недоказуемые и взаимоисключающие теории. Например, похоже, что взятие Иерихона, стены которого якобы рухнули от звуков труб Иисуса Навина, – не более чем легенда. Иерихон гораздо старше Иерусалима – в 2010 г. палестинские власти отмечали 10 тысяч лет со дня его основания (дата, разумеется, была выбрана произвольно). Но, несмотря на то, что Иерихон действительно какое-то время был заброшен и пустовал, нет никаких археологических свидетельств внезапного обрушения его стен. Гипотезу о массированном вторжении трудно принять буквально, поскольку небольшие стычки (подобные описанным в Книге Иисуса Навина) неминуемо происходят в любых тесных зонах расселения, где соперничают несколько народов. Тем не менее, Вефиль близ Иерусалима (один из немногих городов, разрушение и сожжение которого описано в Библии) был и в самом деле разрушен в XIII в. до н. э. Возможно, израильтяне были гораздо более миролюбивыми и терпимыми, чем хотели показаться в своих писаниях.

2. Возвышение Давида

Юный Давид

Иисус Навин встал лагерем к северу от Иерусалима, в Силоме, и воздвиг там жертвенник Яхве. В Иерусалиме тогда жили иевусеи, которыми правил Адониседек, – судя по имени, царь-священник. Адониседек оказал Иисусу сопротивление, но был разгромлен. “Но иевусеев, жителей Иерусалима, не могли изгнать сыны Иудины, и потому иевусеи живут с сынами Иуды в Иерусалиме даже до сего дня”. Около 1200 года до н. э. египетский царь Мернептах, сын Рамсеса Великого и, возможно, тот самый фараон, который был вынужден освободить евреев и отпустить их с Моисеем, пытался справиться с набегами “народов моря”, уже некоторое время испытывавших на прочность древние империи Ближнего Востока. Фараон предпринял поход в Ханаан, чтобы подавить начавшееся там брожение и восстановить имперский порядок. По возвращении домой он увековечил свой триумф на стенах храма в Фивах: высеченная на камне надпись сообщает, что царь победил народы моря, отвоевал Аскалон (Ашкелон) и истребил народ, имя которого впервые появляется в историческом источнике: “Израиль пуст, нет его семени”.

Израиль в ту пору еще не был монархией. Книга Судей рассказывает о конфедерации племен, которой управляли харизматические вожди (“судьи”) и которая теперь столкнулась с новым врагом – филистимлянами, одним из “народов моря”, пришедшим, возможно, с Эгейских островов. Филистимляне захватили побережье Ханаана и построили там пять богатых городов; они занимались ткачеством, обжигали красно-черную керамику и поклонялись многочисленным богам. Израильтяне, пастухи из небольших горных селений, не могли достойно противостоять этим опытным воинам, которые были закованы в панцири, носили поножи и шлемы, сражались весьма совершенным оружием и были даже способны остановить в ближнем бою атаку громоздких египетских колесниц.

Согласно одной из версий Книги Судей (правда, эта версия считается не слишком достоверной), израильтяне в какой-то момент захватили и сожгли Иерусалим, но если так оно и было, им не удалось удержать крепость.

В битве при Авен-Езере, произошедшей около 1050 года до н. э., филистимляне сокрушили евреев, разрушили их жертвенник в Силоме, захватили Ковчег Завета, священный символ Яхве, и явно намеревались продолжить наступление в иудейские холмы, где находился Иерусалим. Под угрозой истребления и желая быть “как другие народы”, израильтяне решили взять себе царя, но хотели, чтобы его назначил непосредственно Бог. Они обратились к своему престарелому судье, пророку Самуилу. Пророк в те времена был не столько предсказателем будущего, сколько толкователем Божественной воли в настоящем. Израильтянам был нужен сильный военный вождь, и Самуил остановил свой выбор на молодом воине Сауле, помазав его на царство. Управляя страной из своей крепости Гаваон, стоявшей на вершине холма всего в нескольких милях к северо-западу от Иерусалима, новый вождь Израиля поначалу оправдывал надежды народа, последовательно разгромив моавитян, эдомитян и филистимлян. Но талантливый полководец Саул оказался, однако, плохим царем: “А от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа”.

Столкнувшись с явной психической нестабильностью Саула, Самуил тайне начал подыскивать ему преемника. В одном из восьми сыновей некоего Иессея из Вифлеема пророк различил черты гениальности. Давид, самый младший из братьев, “был белокур, с красивыми глазами и приятным лицом”. И сказал Господь Саулу: “Встань, помажь его, ибо это он”. Давид был также “искусен в игре на гуслях”, был “человеком храбрым и воинственным и разумным

в речах”. Он один из самых замечательных персонажей Ветхого Завета, хотя и довольно противоречивый. Человек, превративший Иерусалим в Святой город, был поэтом и завоевателем, убийцей и прелюбодеем, а набожность и ум государственного мужа сочетались в нем с пороками авантюриста.

Самуил привел Давида ко двору Саула, и царь назначил его одним из своих оруженосцев. А когда царем овладевало безумие, Давид проявлял первый из своих даров: он брал гусли и играл на них, “и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него”. Талант музыканта – важная составляющая харизмы Давида: многие из приписываемых Давиду псалмов, очевидно, действительно были сочинены им.

Филистимляне вторглись в Иудею, и Саул с войском вышел им навстречу. В стане филистимлян был могучий великан по имени Голиаф, закованный в медные чешуйчатые латы, столь не похожие на легкие и ненадежные доспехи израильтян. Саул хотел избежать генерального сражения и, вероятно, испытал облегчение, пусть и смешанное с изрядной долей скепсиса, когда Давид потребовал, чтобы ему дали сразиться с великаном. Юноша отказался от одежды и доспехов царя, он лишь “выбрал себе пять гладких камней из ручья” и взял пращу. Выступив навстречу Голиафу, Давид метнул камень⁹ и “поразил филистимлянина в лоб, так что камень вонзился в лоб его, и он упал лицом на землю”. Подбежав к поверженному противнику, Давид вытащил у того из ножен меч и отсек ему голову. “Филистимляне, увидев, что силач их умер, побежали”, а израильтяне преследовали их до самого города Аккарон.

Эта история, вероятно, совершенно легендарна и должна лишь показать, что уже в юности Давид проявил себя как бесстрашный и ловкий воин¹⁰. Саул возвысил Давида за храбрость, и женщины, выходившие встречать победителей, пели: “Саул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч”. Сын Саула Ионафан подружился с Давидом, а дочь Саула Мелхола полюбила его. Саул разрешил им пожениться, но с муками зависти совладать не мог и дважды пытался убить своего зятя копьем. Царская дочь спасла жизнь мужа: она помогла Давиду бежать, спустив его из окна дворца, и он нашел убежище у священников в Навафе. Саул продолжал преследовать бывшего любимца, но Давиду вновь удалось скрыться, а тем временем к нему стали стекаться “все притесненные... и огорченные душой”, и скоро под началом Давида собрался отряд в 600 человек. Дважды Давид прокрадывался в шатер к спящему царю, но каждый раз щадил его, и в конце концов Саул с плачем признал: “Ты правее меня, ибо ты воздал мне добром, а я воздавал тебе злом”.

Наконец Давид со своим отрядом поступил на службу к филистимскому царю Анхусу из Гефа, который пожаловал ему город Секелаг. Филистимляне вновь вторглись в Иудею и разгромили войско Саула на горе Гильбоа. Сын царя Ионафан был убит, а Саул покончил с собой, “пав на меч”.

⁹ Праща в те времена считалась серьезным оружием: пращники запечатлены на рельефах Бени-Хасана в Египте, где они участвуют в битве наравне с лучниками. Из царских надписей Египта и Ассирии явствует, что отряды пращников были регулярными боевыми соединениями царских армий. Опытный пращник, метнув специально отполированный камень размером с теннисный мяч, мог поразить цель на расстоянии 100–150 м.

¹⁰ Как на самом деле звали Давида? В Библии история о Голиафе рассказывается дважды, и во второй версии израильский юноша-герой назван Элханан: может быть, это и есть настоящее имя царя Давида, данное ему от рождения?

3. Царство и храм

Давид: царский город

Некий молодой человек явился в лагерь Давида из стана Саула и рассказал, что он убил царя, “помазанника Божьего”: “Я подошел к нему и убил его, ибо знал, что он не будет жив после своего падения”. Давид приказал убить вестника, а Саула и Ионафана оплакал бессмертными стихами: “Краса твоя, о Израиль, поражена на высотах твоих! Как пали сильные!.. Дочери Израильские, плачьте о Сауле, который одевал вас в багряницу с украшениями и доставлял на одежды ваши золотые уборы... Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти своей; быстрее орлов, сильнее львов они были... Как пали сильные, погребло оружие бранное!”

В этот мрачный час к Давиду пришли “мужи Иудины” (то есть представители колена Иуды) и помазали его на царство, и Давид стал править южной частью страны, Иудеей, сделав своей столицей Хеврон. А уцелевший сын Саула, Иевосфей, наследовал отцу и стал царем северных племен, то есть Израиля. После семилетней усабицы Иевосфей был убит, и северные племена также признали Давида своим царем. Так Давид стал во главе объединенного царства, хотя трещину, которая пролегла между Севером (Израилем) и Югом (Иудеей), удалось загладить только благодаря его личной харизме.

Иерусалим в те годы назывался Иевус – по имени обитавших в нем иевусеев. Давид со своим войском осадил, а потом взял штурмом городскую цитадель – крепость Сион, не устрашившись грозных укреплений, которые были не так давно обнаружены археологами вокруг источника Гихон¹¹. Сион считался неприступным, и как именно Давиду удалось захватить цитадель, остается загадкой. Библия рассказывает, что иевусеи выставили на стены слепых и увечных, наглядно демонстрируя осаждавшим, что их ждет в бою. Однако царь Давид каким-то образом все же проник в город, возможно, по одному из подземных водопроводных туннелей (целая сеть таких туннелей была раскрыта археологами на холме Офель). Как бы там ни было, “Давид взял крепость Сион: это – Город Давидов”.

Возможно, взятие крепости было результатом дворцового переворота. Давид не стал учинять в городе резню, пощадил иевусеев и принял их в свою разноплеменную свиту и в свое войско. Он переименовал крепость Сион в Город Давидов, укрепил стены и перенес в Иерусалим Ковчег Завета, давно возвращенный от филистимлян. Святость реликвии была столь неумолима, что человек, пытавшийся поддержать колесницу с ковчегом, накренившуюся на крутой дороге, был убит на месте. Ковчег пришлось оставить на три месяца в доме одного достойного доверия жителя Гефа, и лишь затем Давид и “весь дом Израилев” перенесли “Ковчег Господень с восклицаниями и трубными звуками” в Город Давидов, принося в жертву тельца и овна через каждые шесть шагов пути. Одетый в священнический льняной ефод, “Давид скакал изо всей силы пред Господом”. Господь же обещал Давиду, что его дом и его царство будут непоколебимы навеки. Вековая борьба была закончена, и Давид провозгласил, что Священный город навсегда стал домом Яхве.

---

¹¹ Вероятно, это наиболее перекопанное археологами место в мире. Раскопки, которые сейчас ведет здесь профессор Ронни Рейх, – двенадцатые по счету на этом участке (именно в ходе этих раскопок были обнаружены хананейские укрепления, описанные в первой главе). Но еще в 1867 г. английский археолог Чарльз Уоррен нашел шахту, тянувшуюся от вершины Офеля вниз к источнику. Долгое время исследователи считали, что это рукотворный колодец и что воду из источника черпали сверху с помощью корзин на длинных веревках. Но последние раскопки показали, что “шахта Уоррена” – это естественное образование, а водосборником служил огромный резервуар, высеченный в скальной породе чуть в стороне от шахты и защищенный сверху огромной башней и стенами.

Мелхола, жена Давида, укоряла мужа за то, что он, полуобнаженный, пляшущий перед Господом, выглядел “пред глазами рабов своих, как какой-нибудь пустой человек”. Если более ранние книги Библии представляют собой компиляцию древних текстов и ретроспективных историй, написанных гораздо позже, то противоречивый, “негероический” портрет Давида в первых двух Книгах Царств кажется столь ярким и выпуклым, что он, возможно, основан на воспоминаниях одного из придворных царя.

Давид выбрал Иерусалим своей столицей потому, что город не принадлежал ни северным племенам, ни его родной Иудее. Он перенес сюда золотые щиты поверженных им врагов и построил дворец из кедрового дерева, полученного от своих финикийских союзников из Тира. Согласно преданию, царство Давида простиралось от Ливана до границ Египта, а на востоке в него входили обширные территории современных Иордании и Сирии; даже в Дамаске стоял царский гарнизон. Тем не менее, единственным источником наших знаний о Давиде остается Библия: в 1200–850 годах до н. э. Египет и великие империи Передней Азии переживали период упадка и оставили крайне мало царских надписей, кроме того, на Ближнем Востоке, по-видимому, возник серьезный вакуум власти. Однако исторический Давид, безусловно, существовал: надпись, обнаруженная в 1993 году в Тель-Дане (Северный Израиль) и относящаяся к IX веку до н. э., именует династию царей Иудеи “домом Давида”, следовательно, именно Давид был ее основателем.

Иерусалим Давида был крошечным городком. В то время Вавилон занимал площадь в тысячу гектаров; и даже город Хацор в Галилее, к северу от Иерусалима, имел площадь около 80 га. Площадь же Иерусалима едва ли превышала шесть гектаров – ровно столько, сколько и нужно было для примерно 1200 человек, живших вокруг крепости. Однако недавние раскопки укреплений над источником Гихон доказывают, что Город Давидов был гораздо более внушительным, чем считалось прежде, пусть он и не походил на имперскую столицу¹². Размеры царства Давида, завоеванного с помощью критских, филистимских и хеттских наемников, также представляются в целом правдоподобными (хотя и слегка преувеличенными авторами библейских текстов). Это царство, в сущности, было просто племенным союзом, который скрепляли авторитет и личная харизма царя. Много столетий спустя Маккавеи еще раз продемонстрируют, с какой скоростью энергичный полевой командир может завоевать Иудею в условиях вакуума царской власти.

Однажды вечером Давид отдыхал на крыше своего дворца. И “увидел с кровли купающуюся женщину, а та женщина была очень красива. И послал Давид разведать, кто эта женщина. И сказали ему: это Вирсавия...”. Вирсавия была женой иноплеменного командира наемников – Урии Хеттеянина. Давид позвал ее к себе, “и она пришла к нему, и он спал с нею”, и Вирсавия забеременела. Тогда царь приказал своему военачальнику Иоаву вернуть Урию из военного похода в земли современной Иордании. Когда Урия прибыл ко двору, Давид сказал ему: “Иди домой и омой ноги свои”, желая, чтобы Урия переспал с женой и, таким образом, ее беременность получила бы законное объяснение. Но Урия отказался идти домой в разгар военных действий, и тогда Давид приказал ему доставить письмо Иоаву, а “в письме он написал так: поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение... чтоб он был поражен и умер”. И Урия был убит.

¹² О размерах города Давида в настоящее время бурно спорят “минималисты”, считающие, что это была всего лишь маленькая крепость местного военного вождя, и “максималисты”, отстаивающие библейское представление об Иерусалиме как имперской столице. До того, как была найдена надпись в Тель-Дане, наиболее радикальные минималисты даже намекали, что и самого Давида не существовало вовсе, ссылаясь на отсутствие каких-либо археологических свидетельств. В 2005 г. доктор Эйлат Мазар объявила, что нашла дворец царя Давида. Новость была встречена с недоверием, однако в ходе раскопок было действительно обнаружено весьма внушительное здание X в. до н. э., которое наряду с хананейскими укреплениями и ступенчатыми террасами, возможно, входило в комплекс цитадели Давида.

Вирсавия стала любимой женой Давида, и тогда пророк Нафан рассказал ему историю о некоем богаче, у которого было “много мелкого и крупного скота”, но он все равно отобрал единственную овцу у бедняка. Давид был возмущен такой несправедливостью: “Достоин смерти человек, сделавший это”. “Ты – тот человек”, – сказал Нафан Давиду. Только тогда царь осознал, что совершил чудовищное преступление. Его ребенок от Вирсавии, зачатый в грехе, заболел и умер. Но второй сын Давида и Вирсавии, нареченный Соломоном, выжил.

Двор Давида был далек от идеала, и такие подробности придворной жизни выглядят вполне правдоподобными. Как и многие другие империи, выстроенные волею одного сильного человека, объединенное царство Давида на закате его жизни начало давать трещины: его сыновья повели междоусобную борьбу за власть. Старший сын Давида Амнон мог рассчитывать на престол, но любимым сыном царя был избалованный и честолюбивый Авессалом, единственный брат Амнона, гордившийся своими прекрасными длинными волосами и красотой без единого изъяна: “Во всем Израиле не было мужчины столь красивого, как Авессалом”.

Авессалом: возвышение и гибель царевича

Амнон обманом заманил Фамарь, родную сестру Авессалома, к себе домой и изнасиловал ее. Авессалом убил брата, но, видя скорбь Давида и страшась его гнева, бежал из столицы и возвратился в Иерусалим только через три года. Давид и его любимый сын помирились: Авессалом “пришел к царю и пал лицом своим на землю пред царем, и поцеловал царь Авессалома”. И все равно царевич не мог укротить свое тщеславие. Он разъезжал по городу в колеснице, перед которой бежали 50 скороходов, и настраивал горожан против отца, так что “сердце израильтян уклонилось на сторону Авессалома”. В конце концов он поднял мятеж и сделал своей штаб-квартирой Хеврон.

Слава мятежного царевича упрочивалась: “Народ стекался и умножался около Авессалома”. Но к престарелому царю вернулась былая сила духа: он взял Ковчег Завета, символ благоволения Божия, и вместе с ним покинул столицу. И пока Авессалом утверждался в Иерусалиме, Давид собирал войско. Однако он предупредил своего военачальника Иоава: “Сберегите мне отрока Авессалома”. Когда войско Давида разгромило мятежников в лесу Ефремовом, Авессалом бежал с поля битвы верхом на муле. Но его прекрасные длинные волосы стали причиной его гибели: “Когда мул вбежал с ним под ветви большого дуба, то [Авессалом] запутался волосами своими в ветвях дуба и повис между небом и землею, а мул, бывший под ним, убежал”. Когда Иоав и его люди нашли повисшего на ветвях царевича, они убили Авессалома и бросили тело в глубокую яму, забросав камнями, хотя царевич еще при жизни воздвиг себе надгробный монумент – мраморный столб¹³. “Благополучен ли отрок Авессалом?” – спросил Иоава царь. А услышав о смерти царевича, начал горько стенать: “Сын мой Авессалом! сын мой, сын мой Авессалом! о, кто бы дал мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!”

Когда по стране распространились голод и моровая язва, Давид, стоя на горе Мориа, увидел Ангела Смерти, простирающего руку на Иерусалим, чтобы уничтожить его жителей. И в тот момент Давид испытал раскаяние и сказал: “Вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего”. Тогда

---

¹³ Где находился этот монумент, мы не знаем. Сегодня гробницей Авессалома называют вырубленный в скале и увенчанный коническим куполом склеп в Кедронской долине, напротив Храмовой горы. Впервые это здание упоминает в качестве гробницы Авессалома еврейский путешественник Вениамин Тудельский (1170), однако оно никак не могло быть построено во времена царя Давида и, по всей видимости, датируется I в. до н. э. В Средние века евреи, которых в те времена не подпускали к городу (в том числе и к Западной стене), молились у гробницы, обратившись лицом к Храмовой горе. С другой стороны, еще в начале XX в. проходившие мимо гробницы плевали в ее сторону или бросали в нее камни, осуждая тем самым вероломство мятежного царевича.

Господь устами пророка Гада повелел царю поставить жертвенник на горе Мориа. Правители иевусейского Иерусалима описываются в библейских текстах как цари-священники, следовательно, уже в те времена в городе было какое-то святилище. У одного из коренных жителей Иерусалима по имени Орна Иевусеянин было гумно на горе Мориа (то есть, к тому времени город уже поднялся с холма Офель на примыкавшую к нему гору). “И купил Давид гумно и волов за пятьдесят сиклей серебра. И соорудил там Давид жертвенник Господу и принес всесожжения и мирные жертвы”. Более того, Давид решил построить на этом месте не просто алтарь, а целый храм, и даже успел заказать кедровые бревна у Авиваала, царя финикийского Тира. Это был звездный час Давида: он уже предвкушал, как соединит Бога и Его народ, примирит Израиль и Иудею, утвердит Иерусалим как священную столицу Господа. Но этому не суждено было случиться, поскольку Господь сказал Давиду: “Не строй дома имени Моему, потому что ты человек воинственный и проливал кровь”.

Теперь Давид был просто немощным стариком, и его придворные и сыновья интриговали за право наследования. Еще один сын Давидов, Адония, задумал узурпировать власть, а для отвлечения внимания отца ему в услужение взяли красивую и проворную девушку по имени Ависага. Но заговорщики недооценили Вирсавию.

Соломон: храм

Вирсавия потребовала у Давида трон для своего сына Соломона. Давид призвал священника Цадока и пророка Нафана, и те препроводили Соломона на царском муле к священному источнику Гихон. Там Соломон был помазан на царство. “И затрубили трубою, и весь народ восклицал: да живет царь Соломон!” Адония, услышав, как радуется народ, и “боясь Соломона, встал и пошел и ухватился за роги жертвенника”. Соломон обещал сохранить ему жизнь.

Прожив жизнь выдающегося государственного мужа, объединив израильтян и сделав Иерусалим городом Бога, Давид умер, завещав Соломону воздвигнуть храм на горе Мориа, “и погребен был в Городе Давидовом”¹⁴. Авторы Книги Царств, писавшие ее через четыреста лет после смерти Давида в назидание своим современникам, превратили далекого от совершенства человека в идеал царя. Сын же его был совсем другим. Соломону предстояло завершить священную миссию, порученную ему отцом, но в начале своего правления – это было около 970 года до н. э. – он пролил много крови.

Вирсавия попросила Соломона, чтобы он отдал в жены своему старшему единокровному брату Адонии последнюю наложницу Давида. “А зачем ты просишь Ависагу Сунамитянку для Адонии? Проси ему *также* и царства”, – саркастически ответил Соломон и приказал убить Адонию, а заодно и старых боевых товарищей своего отца. Эта история – последняя из числа тех, что записаны, возможно, придворным историком Давида, но она также – первая и единственная, в которой Соломон описывается как живой человек. Затем он превращается в легендарного, неправдоподобно совершенного правителя, наделенного непостижимой для простого смертного мудростью и исключительными достоинствами. Все, чем обладал Соломон, было больше и лучше того, чем владели другие цари. Его мудрость породила три тысячи притчей и 1005 песней; его гарем насчитывал 700 жен и 300 наложниц, а в его войске было 12 тысяч всадников и 1400 колесниц. Эти драгоценные шедевры военной техники были размещены в городах-крепостях Мегиддо, Газер и Хацор, а флот царя стоял на якоре в Ецион-Гавере “возле Елафа, на берегу Чермного моря, в земле Идумейской”.

---

¹⁴ Через несколько столетий Иоанн Гиркан, царь из династии Маккавеев, ограбил гробницу Давида, чтобы заплатить выкуп осаждавшему Иерусалим сирийскому царю. А еще два тысячелетия спустя, во времена крестоносцев, рабочие, поновлявшие Сионскую горницу, в которой, по преданию, происходила Тайная вечеря, обнаружили под ней палату, которую посчитали гробницей Давида. Это место и сегодня почитают иудеи, христиане и мусульмане, однако настоящее место захоронения царя неизвестно.

Соломон торговал с Египтом и Киликией, покупая и продавая пряности и золото, колесницы и коней. Со своим финикийским союзником, царем Хирамом из Тира, он организовывал совместные торговые экспедиции в Офир (возможно, западное побережье Индии). Он принимал у себя в гостях царицу Савскую – правительницу легендарного Сабейского царства в южной Аравии, которая пожаловала в Иерусалим “с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями”. Золото стекалось к Соломону из Офира, медь – из его собственных копей. Богатство Соломона преобразило Иерусалим: “Сделал царь серебро в Иерусалиме равноценным с простыми камнями, а кедры, по их множеству, сделал равноценными с сикоморами”.

Самым красноречивым свидетельством международного престижа Соломона стала его женитьба на дочери фараона. Фараоны почти никогда не выдавали своих дочерей замуж за иноземцев, тем более не могла идти речь о каком-то еврейском парвеню, чьи предки еще недавно пасли коз в горах Ханаана. Однако Египет, прежде столь горделивый, раздирали в эти годы очередная внутренняя смута. Фараон Сиамон смог захватить древний хананейский город Газер неподалеку от Иерусалима, но, вероятно, осознавая, что слишком удалился от дома, предложил Соломону в жены свою дочь, а покоренный город отдал в качестве приданого. Немыслимая честь для любого здешнего царька в любое иное время!

Однако высшим свершением Соломона стал Храм Иерусалимский, задуманный еще его отцом Давидом. “Дом Господень” был возведен рядом с царским дворцом Соломона на священном участке. Храмово-дворцовый комплекс подробно описан в Библии: в него входили величественные дворцы и покои, отделанные золотом и кедром, включая “дом из дерева ливанского”, “притвор из столбов длиною в пятьдесят локтей” и “притвор с престолом”, с которого царь вершил свой справедливый суд.

Этот храм, впрочем, не был произведением одних только израильтян. Финикийцы, жившие в независимых городах-государствах вдоль ливанского побережья, были в то время самыми искусными ремесленниками и самыми умелыми мореходами Средиземноморья. Они славились своей драгоценной краской – тирским пурпуром (греческое название страны *Phoinike*, возможно, и означает “земля пурпура”), они изобрели алфавит. Тирский царь Хирам не только поставлял Соломону кипарисы и кедры для постройки, но и предоставил мастеров, украсивших храм серебряным и золотым декором. Все в этом Храме было из “чистого золота”.

Первый Иерусалимский Храм не был рядовым святилищем: это был настоящий дом Бога, внушительный комплекс, состоявший из трех частей, длиной в 60 локтей, шириной в 20, обнесенный стеной. Входом в него служили ворота с двумя медными столбами, “каждый в восемнадцать локтей вышиной”, называвшимися Иахин и Воаз, украшенными лилиями и плодами граната. Эти ворота вели в большой, с колоннами, внутренний двор, открытый небу и обрамленный с трех сторон двухэтажными палатами – “боковыми комнатами”, в которых, по всей видимости, размещались царские архивы или сокровищница. Из передней части Храма открывался портик в святилище: десять золотых светильников стояли там вдоль стен. Золотой стол для “хлебов предложения” был установлен перед золотым жертвенником, там же были водоем, подставки на колесах с чашами-“умывальницами” и литой из меди пруд, известный как “море”. Из этой средней части Храма вели ступени во внутреннюю часть Храма – Святая Святых¹⁵, –

¹⁵ Где находилась Святая Святых? Сегодня это политически взрывоопасный вопрос и настоящий камень преткновения в любых палестино-израильских переговорах о статусе Иерусалима. Поскольку неизвестны точные размер и очертания площадки Храмовой горы до того, как ее расширил Ирод Великий, по этому поводу существует множество теорий. Многие ученые считают, что Святая Святых находилась точно на скальном выступе, над которым сегодня водружен мусульманский монумент, известный как Купол Скалы. Другие полагают, что таинственная каверна под этим монолитом из желтоватого песчаника служила местом погребения уже в 2000 г. до н. э. В пользу этой версии говорит и фольклор: согласно преданию, евреи, вернувшиеся из вавилонского плена около 540 г. до н. э., нашли в ней череп Орны Иевусея (хозяина участка на горе Мориа, который царь Давид в свое время выкупил для постройки жертвенника). *Мишина* – первый письменный текст, зафиксировавший устную традицию иудаизма (II в. н. э.), – называет пещеру Бездонной могилой, ведущей прямоком в недра земли, мусульмане

небольшую комнату, которую охраняли два крылатых херувима высотой в десять локтей каждый, сделанные из масличного дерева и обложенные золотом.

И все же своему дворцу Соломон уделил еще больше внимания. Дом Бога он закончил за семь лет, а собственный дом строил тринадцать. К тому же дворец Соломона был размером больше, чем Храм. В “Доме Господнем” должна была царить тишина, поэтому “ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в Храме при строении его”. Мастера-финикийцы обтесывали камни, рубили кипарисовые и кедровые стволы, заготавливали украшения из золота, серебра и меди в Тире, а оттуда плотами вдоль побережья доставляли в Иерусалим. Царь Соломон укрепил и саму гору Мориа, удлинив старые подпорные стены: с тех пор название Сион, которое раньше относилось к древней цитадели Города Давида, распространилось также на гору.

Когда строительство было закончено, Соломон собрал “все общество Израилево”, чтобы люди увидели, как старейшины и начальники всех колен народа переносят ларец из белой акации – Ковчег Завета – из скинии, находившейся в Городе Давида, в новый Храм на горе Мориа. Соломон принес жертву у алтаря, и наконец “внесли священники Ковчег Завета Господня на место его... в Святая Святых, под крылья херувимов”, сверкавших золотом. В Святая Святых ничего не было, кроме херувимов и Ковчега Завета, а в Ковчеге – деревянном ящике размером 120 на 75 см – ничего не было, кроме двух каменных скрижалей с законами Моисея. Это место считалось священным в такой степени, что не было предназначено для общественной молитвы: в этой пустоте пребывала аскетическая, не имеющая зримого образа божественная сущность Яхве – уникальная особенность религии евреев.

Когда священники вышли из Святая Святых, Соломон освятил Храм на глазах у народа и обратился к Богу со словами: “Я построил Храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать Тебе вовеки”. И ответил Господь Соломону: “Я поставлю царский престол твой над Израилем вовек, как Я сказал отцу твоему Давиду”. Так было положено начало празднику, собиравшему в Иерусалиме множество паломников: “И приносил Соломон три раза в год всесожжения и мирные жертвы на жертвеннике”. Именно в этот момент священная идея иудео-христианско-исламского мира обрела свое материальное пристанище – дом Божий. Иудеи и другие “люди Писания” (то есть последователи религий, почитающих Библию) верят, что Бог никогда не оставлял Своим присутствием Храмовую гору. Иерусалиму было предначертано стать главным местом общения Бога и человека.

Соломон: закат

Библия довольно подробно описывает Храм Соломонов, и мы хорошо представляем себе многие его детали. Но иных, внебиблейских источников, подтверждающих достоверность этих сведений, мы не знаем. Не найдено и никаких материальных остатков Храма.

Это не так удивительно, как может показаться. Вести раскопки на Храмовой горе невозможно как по политическим, так и по религиозным соображениям. Но даже если такие раскопки рано или поздно будут разрешены, вряд ли мы найдем какие-либо следы Храма, ведь его разрушали по меньшей мере дважды, сравнивали с землей по меньшей мере один раз, а в промежутках между разрушениями бесконечно ремонтировали, расширяли и перестраивали. И все же первый Храм скорее всего был и размером, и убранством примерно таким, каким его описывает Библия, пусть даже она несколько преувеличивает его величие.

Храм Соломона был типичным для своего времени. Финикийские храмы, по образцу которых он отчасти был построен, представляли собой процветающие предприятия, которыми

именуют ее Колодцем душ. Иудеи и мусульмане верят, что на этом камне Бог сотворил Адама, на нем же Авраам собирався принести в жертву Исаака. Иудеи считают эту скалу Камнем Основания (Краеугольным камнем) Храма.

управляли сотни чиновников. У таких храмов имелся обширный штат храмовых блудниц, чьи заработки пополняли храмовую сокровищницу, и даже цирюльники – к услугам тех, кто желал посвятить свои волосы богу. Планы сирийских храмов, раскопанных во многих местах региона, а также их утварь, в том числе чаши для омовений, очень напоминают описанное в Библии святилище Соломона.

Сообщениям об изобилии в нем золота и слоновой кости вполне можно доверять. Столетие спустя цари Израиля правили северной частью страны из своих роскошных дворцов в Самарии, и в руинах этих дворцов археологи обнаружили фрагменты убранства из слоновой кости. Согласно Библии, на отделку Храма Соломон употребил 500 золотых щитов, но и другие источники подтверждают, что недостатка в золоте в эту эпоху не было: его привозили из таинственного Офира, кроме того, оно поступало из золотых копей в Нубии. В описании похода египетского фараона Шешонка, разорившего Иерусалим через некоторое время после смерти Соломона, упоминается огромное количество золота и других ценностей, захваченных египтянами в Храме и в царском дворце. Знаменитые же копи царя Соломона долгое время считались мифом, однако затем в Иордании и в долине Тимна, на самом юге Израиля, были обнаружены медные рудники, которые разрабатывались как раз во времена правления царя. Численность войска Соломона также выглядит вполне правдоподобной: мы знаем, что и через сто лет после Соломона царь Иудеи мог выставить на поле боя две тысячи колесниц¹⁶.

Величие Соломона, возможно, несколько преувеличено в Библии, но закат его правления описан очень реалистично: мудрый царь стал непопулярным тираном, обременившим народ “тяжким игом” непомерных податей ради воплощения в жизнь своих монументальных проектов и добивавшимся послушания бичами. К разочарованию верных единоплеменников библийских авторов, писавших о царе два столетия спустя после его кончины, Соломон в старости “уклонил сердце свое от Господа Бога Израилева” и стал служить местным языческим богам, да к тому же, помимо дочери фараона, любил “многих чужестранных женщин”.

От Эдома на юге до Дамаска на севере во владениях Соломона вспыхивали восстания, а его собственный военачальник Иеровоам задумал поднять мятеж среди северных племен. Соломон решил убить Иеровоама, но тот успел бежать в Египет, где его взял под свое покровительство Шешонк – фараон-ливиец, задумавший возродить былую мощь египетской империи. Царство Иудейское вступало в полосу потрясений.

---

¹⁶ Библия говорит, что Соломон построил Мегиддо, Газер и Хацор, и называет их “городами для конницы и колесниц”. Но в последние годы развернулась оживленная дискуссия относительно их датировки. “Ревизионисты” во главе с профессором Израэлем Финкельштейном считают, что дворцы в этих городах несут следы сирийского влияния и построены столетие спустя после Соломона. Другие археологи оспаривают эту точку зрения. Красно-черная керамика, обнаруженная при раскопках, датируется концом X в. до н. э., то есть примерно временем правления Соломона. Последние исследования зданий позволяют предположить, что это и вправду были огромные конюшни X в. – свидетельство мощи конного войска Соломона и развитого коневодства в восточном Средиземноморье того времени.

4. Цари иудейские 930–626 гг. до н. э.

Ровоам против Иеровоама: раскол

Соломон умер в 930 году до н. э., процарствовав 40 лет. Его сыну и наследнику Ровоаму пришлось совершить официальный визит на север, чтобы его признали царем десять северных колен, представители которых собрались в Сихеме. Северяне готовы были подчиниться молодому царю, но требовали отмены непосильных податей. Их старейшины призвали вернувшегося из Египта военачальника Иеровоама, чтобы он передал Ровоаму их просьбу: облегчить бремя, наложенное на них его отцом. Но Ровоам дерзко ответил: “Я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами”. Тогда десять северных колен провозгласили своим царем Иеровоама: “Отложился Израиль от дома Давидова”.

Ровоам остался царем одной лишь Иудеи – небольшой области вокруг Иерусалима и к югу от него. Но он был внуком Давида и в его владениях находился Храм, дом Яхве. Более опытный Иеровоам, сделавший своей столицей Сихем, сознавал опасность: “Если народ сей будет ходить в Иерусалим для жертвоприношения в доме Господнем, то сердце народа сего обратится к государю своему, Ровоаму, царю Иудейскому”. Поэтому Иеровоам построил в Вефиле и Дане два собственных небольших святилища – типичные хананейские жертвенники. Северяне стали приносить жертву здесь, а не в Иерусалиме. Так политический раскол усугубился расколом религиозным. Правление Иеровоама было долгим и успешным, но затмить блеск Иерусалима ему так и не удалось.

Два еврейских царства то воевали друг с другом, то становились близкими союзниками. Почти четыре века, начиная с 900 года до н. э., династия Давида правила Иудеей, в то время как более богатый Израиль (северная часть страны) превратился в региональную военную державу: ее престол по большей части занимали военачальники, захватывавшие его в результате кровавых переворотов. Один из таких узурпаторов истребил до единого человека всех мужчин свергнутой династии, “не оставив мочащегося к стене”¹⁷. Авторы 3-й и 4-й Книги Царств и 1-й и 2-й Книг Паралипоменон, которые описывали эти события по прошествии двух веков, не слишком заботятся об индивидуальности портретов и точности хронологии и оценивают израильских правителей с точки зрения их преданности Единому Богу. К счастью, туману “темных веков” пришел конец: египетские и месопотамские надписи этого периода дополняют и нередко подтверждают свидетельства Библии.

Через девять лет после смерти Соломона мировая политика вернулась в Иерусалим. Фараон Шешонк, чьи интриги сыграли свою роль в расколе единого Иудейского царства, выступил в поход на Сирию, но внезапно повернул и подошел со своим войском к Иерусалиму. Богатства иерусалимского Храма, безусловно, стоили того. Царю Ровоаму пришлось откупиться от фараона храмовыми сокровищами – золотом Соломона. От Иерусалима египтяне двинулись на север и разорили Мегиддо, где Шешонк воздвиг монументальную стелу в ознаменование своей победы: ее фрагмент сохранился до наших дней. По возвращении домой фараон увековечил успешный поход в надписях на южной стене храма Амона в Карнаке. А иероглифический текст из Бубаста, тогдашней столицы фараонов, рассказывает, что наследник Шешонка Осоркон пожаловал своим храмам 383 тонны золота, возможно, награбленного

---

¹⁷ То есть перебил всех мужчин и мальчиков, не оставив ни одного, способного самостоятельно, “как взрослый”, справиться нужду. – Прим. ред.

в Иерусалиме. Вторжение Шешонка в Иудею – первое событие библейской истории, подтвержденное археологами.

По прошествии 50 лет борьбы два еврейских царства заключили меж собой мир. Но израильский царь Ахав взял в жены финикийскую царевну-язычницу, которую Библия описывает как развращенное, тираническое и жестокое чудовище. К тому же она поклонялась Ваалу и другим финикийским богам. Ее звали Иезавель, и ее роду суждено было властвовать и над Израилем, и над Иерусалимом и принести городу и стране много крови и разрушений.

Иезавель и ее дочь, царица иерусалимская

У Иезавели и Ахава была дочь по имени Гофолия, которую они выдали замуж за иудейского царя Иорама. Город, в который прибыла Гофолия, процветал: в особом квартале торговали сирийские купцы, еврейский флот бороздил воды Красного моря, а хананейские идолы были выброшены из Храма. Но дочь Иезавели не принесла Иерусалиму ни счастья, ни удачи.

Маленькие еврейские царства могли процветать лишь в такие времена, когда великие империи Ближнего Востока переживали упадок. Но сейчас, в 854 году до н. э., Ассирия, столицей которой теперь была Ниневия (на территории современного Ирака), вновь набрала силу. Когда ассирийский царь Салманасар III начал завоевание разрозненных царств Ближнего Востока, Иудея, Израиль и Сирия заключили союз для отпора агрессору. В битве при Каркаре царь Ахав, под началом которого было две тысячи колесниц и 10 000 пехотинцев, при поддержке иудеев и сирийских царей разгромил ассирийцев. Однако впоследствии коалиция распалась. Иудеи и израильтяне сообща предприняли поход против Сирии, но в это время восстали подвластные евреям народы¹⁸. Царь Ахав был убит во время боя стрелой, выпущенной наугад одним из сирийцев, и “псы лизали... кровь его”. Военачальник по имени Ииуй (Иегу) поднял восстание в Израиле и истребил весь род Ахава: по его приказу были заколоты все 70 сыновей царя, а головы их сложены грудой у ворот Самарии. Ииуй убил не только нового израильского царя Иорама, сына Ахава, но и царя иудейского Охозию. Что до Иезавели, то мятежники выбросили ее из окна дворца и раздавили колесницами¹⁹.

Тело Иезавели сожрали псы, и ничего не осталось от нее, кроме черепа, ног и кистей рук. Но в 841 году до н. э. дочь Иезавели, царица Гофолия, узнав о смерти сына, захватила власть в Иерусалиме, истребив “все царское племя” потомков Давида, каких смогла найти (то есть своих же собственных родственников). Из всех царевичей дома Давидова спасся один только

---

¹⁸ Цари Иудеи и Израиля совместно выступили против Меша (Месы), мятежного царя моавитян. До нас дошла памятная стела Меша, в надписи на которой царь похваляется, что принес в жертву собственного сына и успешно отразил нападение. Черная базальтовая стела, получившая в науке название “Моавитский камень”, была обнаружена в 1868 г., когда некий бедуин показал ее немецкому миссионеру. Надпись Меша отчасти подтверждает, отчасти опровергает Библию: царь признает, что Израиль покорил Моав, но заявляет, что затем он восстал против царя Ахава и одержал победу над Израилем и Иудеей, причем последнюю он (согласно одной из версий перевода) именует “дом Давида”. Далее Меш хвалится, что вывез из захваченного израильского города “сосуды Яхве”. Это первое упоминание иудейского Бога во внебиблейском источнике. Из-за этого артефакта началась настоящая “война археологов” Пруссии, Франции и Англии, которые не гнушались никакими средствами, чтобы завладеть ценной реликвией. Победительницей в этой схватке вышла Франция, сейчас Моавитский камень находится в Лувре.

¹⁹ Библия рисует израильского царя Ииуя реставратором культа Яхве и сокрушителем идолов Ваала. Но автора этого портрета больше интересуют отношения царя с Богом, а не его политическая деятельность, о которой мы теперь кое-что знаем благодаря археологам. Ииуй, вероятно, действовал при поддержке Дамаска; сирийский царь Азил оставил в Тель-Дане (Северный Израиль) стелу, прославляющую его победу над предыдущими царями дома Израиля и дома Давида. Это можно считать археологическим доказательством того, что царь Давид существовал. Но, похоже, Ииуй также был вассалом ассирийского царя Салманасара III. На Черном обелиске, найденном в Нимруде и ныне хранящемся в Британском музее, Ииуй преклоняет колени перед восседающим на троне Салманасаром, который изображен с заплетенной в косички бородой, в диадеме, расшитых одеждах и с мечом в руке на фоне крылатого гения – символа ассирийского могущества. Придворный держит над ним опахало. “Я получил от него, – гласит царская надпись Салманасара, – серебро, золото, золотые вазы, золотые кубки, золотые чаши, золотые кувшины, скипетры для царя и бальзамовое дерево”. Этот коленопреклоненный Ииуй, приносящий дань Салманасару III, – первое историческое изображение израильтянина.

младенец Иоас, которого спрятали в Храме. Четвертая книга Царств наряду с некоторыми археологическими находками проливает луч света на жизнь в Иерусалиме в те времена.

Иоас был “скрывается в доме Господнем шесть лет, между тем как Гофолия царствовала над землею”. Дочь Иезавели – наполовину финикийка, наполовину еврейка – превратила свою небольшую столицу в центр международной торговли и поклонения культу Ваала. Во время раскопок в Иерусалиме была найдена изящная фигурка голубя, сидящего на гранатовой ветви; высотой менее дюйма, он сделан из слоновой кости. По всей видимости, он служил украшением какого-нибудь предмета мебели в богатом иерусалимском доме. А возле выбитого в скале бассейна ниже Города Давидова были обнаружены глиняные финикийские печати – так называемые буллы, на которых изображены корабли финикийцев и их священные символы (например, крылатый солнечный диск над тронem). Здесь же нашли около 10 тысяч рыбьих костей: вероятно, рыбу в Иерусалим привозили из разных регионов Средиземноморья именно мореплаватели-финикийцы.

Но Гофолию в Иерусалиме вскоре возненавидели так же, как ненавидели ее мать Иезавель. Ведь ее жрецы-идолопоклонники утвердили в Храме статую Ваала и других языческих богов. Через шесть лет после ее воцарения первосвященник Иодай собрал на тайное совещание всех знатных жителей города и “сделал с ними договор, и взял с них клятву в доме Господнем, и показал им царского сына”, которому те немедленно присягнули на верность. Тогда священник роздал сотникам копия и щиты царя Давида, хранившиеся в Храме, а затем при всем народе помазал семилетнего Иоаса на царство под звуки труб и восклицания: “Да живет царь!”

Царица Гофолия услышала “голос бегущего народа” и бросилась из дворца в стоявший по соседству Храм, заполненный людьми. “Заговор, заговор!” – кричала она, но сотники схватили ее, увели со священной горы и “умертвили мечом в царском доме”. Над служителями Ваала был учинен самосуд, а их идолов сокрушили.

Царь Иоас правил в Иерусалиме 40 лет; около 801 года до н. э. он потерпел поражение в битве с сирийским царем, пошедшим войной на Иерусалим, и принужден был уплатить ему в дань “все золото, найденное в сокровищницах Дома Господня”, чтобы тот отступил от города. Иоаса убили заговорщики, а через 30 лет один из царей Израиля захватил Иерусалим и снова разграбил Храм. Постоянно умножавшееся богатство Храма не раз делало его желанной добычей врагов.

И даже в периоды наибольшего могущества и процветания Иерусалим не смог бы тягаться с Ассирией, которая вновь набирала силу под рукой нового царя: эта хищническая империя опять вышла на тропу войны. Цари Израиля и Арама (древней Сирии) попытались создать коалицию для совместной борьбы с ассирийцами. И когда царь Иудеи Ахаз отказался вступить в эту коалицию, союзники осадили Иерусалим. Они не могли проникнуть в город, укрепления которого недавно вновь были перестроены и усилены, но все же царь Ахаз был вынужден обратиться за помощью к ассирийскому царю Тиглатпаласару III и отправить ему в дар сокровища Храма. В 732 году ассирийцы захватили Сирию и опустошили Израиль. А тем временем царь Ахаз в Иерусалиме никак не мог решить, как быть дальше: подчиниться ассирийцам или сражаться с ними.

Исайя: Иерусалим – красавица и блудница

Советником царя был Исайя, выходец из знатной священнической семьи. Он рекомендовал Ахазу выждать: Яхве защитит Иерусалим. Исайя предсказал царю рождение сына, которого следует назвать Эммануил (это имя в переводе означает “с нами Бог”): “Ибо младенец родился нам, Сын дан нам, владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира”.

У Книги Исаяи было по меньшей мере два автора, причем один из них писал на двести лет позже другого (этого более позднего автора называют Второисаией). Первый Исайя был не только пророком, но и поэтом-визионером, который накануне вторжения алчных ассирийцев первым сумел разглядеть мистический Иерусалим, который грянет после разрушения Храма: "...видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь Храм... вся земля полна славы Его!.. и дом наполнился курениями".

Исайя любил "Святую гору" – "гору дочери Сиона", "гору Сион, холм Иерусалимский", а сам город он уподобляет красавице-“чародейке” – иногда праведнице, иногда блуднице. “Народ грешный, народ, обремененный беззакониями”, не сможет удержать Иерусалим в своем владении: “оставившие Господа истребятся”. Но когда прежний, прогневавший Бога Иерусалим будет опустошен, Господь сотворит новый Иерусалим “над всяким местом горы Сион”: “жилище мирное” для тех, кто хранит в сердце своем любовь и вершит добрые дела. Устами Исаяи Господь призывает: “Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову”. Исайя предвидит необыкновенное явление: “Гора Дома Господня будет поставлена во главу гор... и потекут к ней все народы”. Законы, нравственные ценности и история этого глухого и повергнутого города на вершине горы утвердятся вновь: “И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям... ибо от Сиона выйдет закон и слово Господне – из Иерусалима. И будет Он судить народы”. Исайя предсказывает Судный день – “день посещения”, когда явится в мир истинный царь – Мессия. И тогда все народы “перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы: не поднимет народ на народ меч, и не будут более учиться воевать”. Мертвые воскреснут, и “волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком”.

В этом пламенном поэтическом пророчестве впервые звучат апокалиптические ноты, которые будут сопровождать всю историю Иерусалима вплоть до наших дней. Исайя способствовал окончательному оформлению не только учения иудаизма, но и христианства. Иисус Христос читал Исайю, и многие его идеи – от пророчества о разрушении Храма и речей об Иерусалиме как универсальном духовном центре до учения о Царстве Правды – перекликаются с Книгой Исаяи. А самого Иисуса отождествляют с Эммануилом из пророчества Исаяи.

Но царь Ахаз не послушал Исайю. Он отправился в Дамаск на поклон к царю Тиглатпаласару и вернулся оттуда с ассирийским жертвенником, который надлежало поставить в Храме. Когда грозный завоеватель умер в 727 году, Израиль восстал, однако новый ассирийский царь Саргон II после трехлетней осады взял штурмом столицу северян Самарию, а затем покорил все Израильское царство и угнал в Ассирию 27 000 пленных. С тех пор судьба десяти колен израилевых, населявших Северное царство, неизвестна²⁰. Современные израильтяне ведут свое происхождение от двух южных колен – Иуды и Вениамина, – уцелевших в Иудейском царстве.

Сына Ахаза, которого Исайя называл Эммануилом, на самом деле звали Езекия. Он не был Мессией, но, тем не менее, обладал самым ценным из всех качеств политика – везением. И следы его Иерусалима сохранились по сей день.

Синаххериб: царь обитаемого мира

Езекия двадцать лет выжидал подходящего случая, чтобы взбунтоваться против Ассирии: сначала он сокрушил идолов и сломал бронзового змия, стоявшего в Храме, “восстановил

---

²⁰ Древние еврейские общины Ирана и Ирака считали себя потомками десяти колен Израилевых, уведенных в плен ассирийцами, а также жителей Иудеи, переселенных в Вавилонию. Последние генетические изыскания доказывают, что эти общины и в самом деле были отделены от соотечественников примерно 2,5 тыс. лет назад. И все же поиски исчезнувших колен породили массу фантастических предположений и теорий: потомков этих колен “находили” в самых неожиданных местах; ими считали и индейцев Северной Америки, и даже англичан!

служение в Доме Господнем” и призвал народы “по всей земле Израильской и Иудее” “совершать Пасху во второй месяц”. Первый праздник еврейской Пасхи, отмечавшийся на западной горе²¹, длился семь дней. Иерусалим наводнили беженцы из павшего Северного царства. И по всей вероятности кто-то из них принес с собой древние свитки, на которых были записаны хроники ранней истории евреев и их предания. Иерусалимские ученые мужи начали объединять летописные традиции Иудеи с традициями северных племен; в конечном итоге эти тексты, составленные в то самое время, когда греки записывали эпическую поэму Гомера “Илиада”, оформились в библейские книги.

В 705 году Саргон II погиб в битве, и все жители Иерусалима – в том числе Исайя – воспылали надеждой, что смерть ассирийского царя означает начало конца его империи. Египет обещал евреям поддержку; восставший народ Вавилона отправил к Езекии своих посланников. И царь Иудеи почувствовал: долгожданный час пробил. Он присоединился к новой коалиции против Ассирии и приготовился к войне. Увы, к несчастью для иудеев, новый царь Ассирии по имени Синаххериб был человеком энергичным и весьма уверенным в себе.

Синаххериб назван в царских надписях “царем обитаемого мира, царем Ассирии”. В то время это были почти синонимы. Под властью Ассирии находились земли от Персидского залива до Кипра. Историческое ядро империи (современный северный Ирак) с севера было защищено горами, а на западе – Евфратом, но с юга и востока подбрюшье страны было открыто любому врагу. Ассирия напоминала акулу, которая может жить, только постоянно заглатывая все новые и новые куски. Кроме того, для ассирийцев война была религиозным долгом. Каждый новый царь клятвенно обещал при восшествии на престол расширить “землю бога Ашшура”. Ассирийский царь был в едином лице и верховным жрецом, и полководцем, самостоятельно водившим в походы 200-тысячную армию. И подобно современным диктаторам, ассирийские цари железной рукой держали в узде своих подданных, прибегая в случае необходимости не только к террору, но и к массовой депортации и к переселениям завоеванных народов с одного края обширной империи на другой.

Тело Саргона, отца Синаххериба так и не нашли на поле битвы, и многие узрели в том грозный знак божественного гнева: бог Ашшур, вероятно, отвернулся от своего народа, и ассирийская империя была на грани распада.

Однако Синаххериб подавил смуту, взял штурмом мятежный Вавилон и разрушил древний город до основания. Как только порядок был восстановлен, он занялся укреплением своей личной власти, а также мощи империи, начав масштабную перестройку Ниневии – города Иштар, богини войны, плодородия и плотской любви. Синаххериб сделал Ниневию своей новой столицей, для снабжения города и его пышных садов водой были прорыты каналы, а для себя царь возвел грандиозный дворец. Ассирийские властители умело пропагандировали свои достижения. Барельефы, украшавшие стены их дворцов, прославляли победы Ассирии и должны были устрашить ее врагов: ужасные изображения пленников с заживо содранной кожей, посаженных на кол или обезглавленных и сегодня повергают в трепет. Жителей завоеванных ими городов ассирийцы проводили в составе триумфальной процессии по Ниневии, надев на них отвратительные ошейники, к которым были подвешены отрубленные головы их царей. Впрочем, другие завоеватели того времени были столь же жестокими: у египтян, к при-

²¹ За пределами обнесенного стеной Города Давида выросли новые поселения: Мактеш (Мортар) – в Тиропеонской долине, лежавшей между Храмовой горой и Западным холмом, и Мишнех – на склонах Западного холма (нынешний Еврейский квартал). Высших сановников принято было хоронить в гробницах, вытесанных в скалах в окрестностях города. „Это гробница... яху, который над Домом, – гласит погребальная надпись из пещерного захоронения в селении Шилоах (Силуан). – Нет здесь серебра и золота, лишь кости его и его рабынь. Проклят тот, кто откроет ее”. Проклятие не подействовало: гробница была разграблена, и ныне в ней устроен курятник. Но этот древний начальник двора, возможно, был тем самым придворным Езекии – Шувнаяху, которого Исайя осуждал за строительство грандиозной гробницы.

меру, в обычае было коллекционировать отрезанные головы и половые органы своих врагов. К тому же Синаххериб все чаще предпочитал битве переговоры.

Свидетельства дипломатических и военных успехов ассирийских царей были во множестве обнаружены в руинах их дворцов. В Ираке раскопаны несколько ассирийских городов – памятников могущества Ассирии времен ее наивысшего расцвета. Богатство этих городов прирастало не только военной добычей, но и трудом земледельцев, а их историю сохранили для грядущих поколений писцы, оставившие ценные документы в царских архивах. В библиотеках ассирийских царей найдены целые собрания глиняных табличек с клинописными текстами гаданий, призванными облегчить царю принятие решений, с заклинаниями, гимнами и описаниями ритуалов, которые должны были обеспечить помощь богов, а также с литературными текстами, среди которых – классическое “Сказание о Гильгамеше”. Ассирийцы, почитавшие множество богов, верившие в колдовские формулы, в помощь магических статуэток, в духов и предсказания будущего, в то же время весьма преуспели в медицине. Многочисленные таблички с текстами, посвященными искусству врачевания, содержат примерно такие формулы: “Если человек страдает от таких-то и таких-то симптомов... то причина этого в том-то и том-то... И тогда надлежит принять такое-то лекарство...”

Евреи-северяне, уведенные в плен из Израильского царства и оказавшиеся в рабстве вдали от дома, в блиставшей роскошью столице Ассирии, среди ступенчатых пирамид-зиккуратов (одно из таких сооружений позднее станет основой для легенды о Вавилонской башне), называли Ниневию “городом кровей”. “Весь он полон обмана и убийства; не прекращается в нем грабительство, – говорит пророк Наум. – Слышны хлопанье бича и стук крутящихся колес, ржание коня и грохот скачущей колесницы”. И вот теперь эти колесницы на колесах о восьми спицах, эти несметные полчища во главе с самим Синаххерибом двигались на Иерусалим, спеша налететь на выбранный ими в жертву народ “как орлы”, словами Книги Второзакония.

Туннель Езекии

Езекия знал, какие ужасы пережил разоренный ассирийцами Вавилон; он спешно соорудил укрепления вокруг новых иерусалимских кварталов. Фрагменты его “Широкой стены”, толщиной почти в восемь метров, сохранились до наших дней; наиболее впечатляющий из них находится в Еврейском квартале. Готовясь к обороне, Езекия приказал двум группам строителей прорубить в скале туннель длиной почти 600 метров, который соединил бы источник Гихон за чертой города с Силоамской купелью (этот водоем, находящийся к югу от Храмовой горы, ниже Города Давида, теперь оказался под защитой новой стены Езекии). Когда две группы рабочих, пробивавшихся навстречу друг другу с противоположных концов скалы, наконец счастливо встретились в ее недрах, они высекли в туннеле надпись:

“...И это было так: туннель, когда [...] кирка, друг навстречу другу. И когда три локтя оставалось про [бить, и возопи] л глас каждого, и воз [зв] ал к другому, ибо сделалась пробоина в толще камня справа и [...]. И в день [пробития] туннеля ударили каменоломы друг навстречу другу, кирка навстречу [к] ирке, и пошли воды из источника к водоему в двухста [х и] тысяче локтей. И с [т] о локтей возвышалось над головами каменолом [ов]”²²²³.

²² Пер. Руслана Хазарзара.

²³ В 1880 г. 16-летний Иаков Элияху, сын перешедших в протестантизм евреев, предложил своему школьному товарищу пройти по Силоамскому туннелю. На обоих мальчиков произвели большое впечатление слова из 4-й книги Царств: “Прочее об Езекии и о всех подвигах его, и о том, что он сделал пруд и водопровод и провел воду в город, написано в летописи царей Иудейских” (не дошедшей до нас). Иаков пошел в туннель с одного конца, нащупывая пальцами зарубки, оставленные древними рабочими; его товарищ двинулся с другого конца. Когда направление зарубок вдруг изменилось, Иаков понял, что находится на том самом месте, где встретились две группы каменоломов. Именно здесь он и нашел оставленную строителями надпись. Иаков прошел туннель до конца и обнаружил, что его друг давно оставил опасную затею и решил вернуться. Выбравшись наружу, Иаков до смерти перепугал местных арабов, убежденных, что в древней пещере обитают джинны или даже

К северу от Храмовой горы, в долине, Езекия соорудил плотину, благодаря которой образовался пруд Вифезда (Овчая купель) – дополнительный источник воды для жителей Иерусалима. И, по всей видимости, он раздавал оливковое масло, вино и зерно своим воинам, которые готовились к обороне города. В разных местах Иудеи археологи находят ручки кувшинов с надписью *lmlk* (“для царя”) и эмблемой Езекии – четырехкрылым скарабеем.

“Налетел ассириец – как волк на овец”, – напишет через много столетий Байрон. Синаххериб и его огромная армия уже совсем близко подошли к Иерусалиму. Великий царь ехал, как и большинство других ассирийских царей, на громадной колеснице, запряженной тремя лошадьми, под особым навесом. Оголовья его коней ярко сверкали на солнце, а их спины были покрыты красивыми попонами. Сам царь был облачен в длинное расшитое одеяние; плоский шлем, украшенный золотыми розетками, символизировавшими солнце, заканчивался островерхим шишаком; длинная густая борода была заплетена в косички, а на руках царя звенели браслеты. Он всегда имел при себе лук и меч в ножнах, украшенных изображениями львов.

Он считал себя скорее львом, нежели библейским стервятником или байроническим волком. Ассирийские цари накидывали на себя львиные шкуры в дни празднования своих побед в храме Иштар, украшали дворцы статуями сфинксов с львиными головами и любили охоту на львов, считая ее развлечением, достойным великих царей.

Синаххериб обошел Иерусалим, чтобы сначала осадить еще один город Езекии – находившийся к югу от Иерусалима и хорошо укрепленный Лахиш (Лакхис). Барельефы, украшающие дворец царя в Ниневии, дают представление о том, как выглядели ассирийские воины (и их противники-евреи). Колесничие, копьеносцы, лучники и пращники многоязычной имперской армии носили туники и кольчуги, а их головы были защищены островерхими шлемами, иногда украшенными перьями. Ассирийцы соорудили валы вокруг города и повели подкопы под стены, а тем временем их тараны пытались пробить городские ворота. Лучники и пращники непрерывно обстреливали Лахиш, пока воины Синаххериба карабкались на стены по осадным лестницам. Археологи обнаружили в Лахише массовое захоронение полутора тысяч человек – мужчин, женщин и детей; некоторые из них были посажены на кол, с иных была содрана кожа – совсем как на сценах с ассирийских барельефов. Тысячи уцелевших жителей Лахиша спасались бегством от страшной смерти. Жители Иерусалима знали, чего можно ждать от ассирийцев.

Синаххериб быстро разгромил египетское войско, подошедшее на помощь Езекии, опустошил Иудею и затем подступил к Иерусалиму, встав лагерем к северу от города – на том самом месте, которое спустя пять столетий выберет для своей ставки Тит.

Езекия приказал отравить все источники в окрестностях Иерусалима. Его воины, занявшие позиции на крепостных стенах, носили спускающиеся до плеч головные платки, перехваченные лентой, короткие туники, поножи и сандалии. С началом осады в городе, скорее всего, началась паника. Синаххериб послал своих военачальников на переговоры: убедить осажденных, что сопротивление бесполезно. Пророк Михей предрекал разрушение Иерусалима. Но престарелый Исая советовал терпеливо ждать: Яхве защитит город.

Езекия молился в Храме. Синаххериб похвалялся, что запер иудейского царя в Иерусалиме, “подобно птице в клетке”. Но прав оказался Исая: Господь вмешался.

драконы. Иаков рассказал о своей находке директору школы, слухи об этом быстро дошли до некоего грека, торговца древностями, тот пробрался в туннель и грубо вырубил из стены кусок камня с надписью, при этом разбив его. Затем находку конфисковали у грека турецкие полицейские, и ныне надпись хранится в Стамбуле. А Иаков Элияху впоследствии присоединился к американским колонистам-„оверкомерам” и был усыновлен семьей Спаффордов, основателей колонии. Иаков Спаффорд стал школьным учителем и часто рассказывал своим ученикам, детям колонистов, о туннеле Езекии, никогда, впрочем, не упоминая о том, что он и есть тот самый мальчик, который нашел надпись.

Манассия: детское жертвоприношение в долине Геенны

“...Пошел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мертвые”. Внезапно ассирийцы сняли осаду и ушли: подлинной причиной, вероятно, было очередное восстание где-то на востоке империи. “И отступил, и пошел, и возвратился Сеннахирим, царь Ассирийский”. Ибо Яхве “изрек о нем: ... покачает вслед тебя головою дочь Иерусалима”. Такова библейская версия событий, однако в анналах Синаххериба сказано, что Езекия откупился от ассирийцев, выплатив им огромную по тем временам дань, в том числе 30 талантов золота и 800 серебра. Синаххериб оставил от независимой Иудеи клочок земли, практически только ближние окрестности Иерусалима, и утверждал, что переселил в другие части империи 200 150 иудеев.

Вскоре Езекия умер, его сын Манассия стал верным вассалом сирийских царей. Он жестоко расправился со своими политическими противниками в Иерусалиме, взял в жены арабскую принцессу, отменил реформы отца, вновь поставил в Храме статуи Ваала и Ашеры (Астарты) и устроил “дома блудилищные... при Храме Господнем”. Хуже того: он совершал воскурения на “Тофете, что в долине сыновей Еннома”²⁴, южнее города, и приносил в жертву детей, побуждая и других делать то же. “И даже сына своего провел через огонь...” Когда детей приводили на сожжение, жрецы били в барабаны, чтобы отчаянных криков жертв не слышали их родители.

Из-за Манассии Енном не только превратился в место смерти; искаженное название долины – Геенна – стало символом Судного дня и преисподней и для иудеев, и для христиан, и, позднее, для мусульман. И если Храмовая гора была собственным раем Иерусалима, то долина Енном стала его адом, “геенной огненной”.

В 626 году халдейский военачальник Набопаласар захватил власть в Вавилоне и начал последовательное разрушение Ассирийской империи; его деяния описаны в Вавилонских хрониках. В 609 году, по смерти Манассии, на престол Иудеи вззошел его восьмилетний внук Иосия, которому, казалось, суждено было возвестить золотой век царства Мессии.

---

²⁴ Намеки на детские жертвоприношения есть в книгах Бытие и Исход; в частности, можно упомянуть о готовности Авраама принести в жертву Исаака. Вообще человеческие жертвоприношения с самых древних времен ассоциировались с ханаанскими и финикийскими культами. Гораздо позднее римские и греческие историки приписывали эту отвратительную практику карфагенянам – потомкам финикийцев, однако это не подтверждалось археологическими свидетельствами вплоть до 1920-х гг., когда два офицера французской колониальной армии обнаружили в руинах Карфагена (ныне в Тунисе) *тофет* – святилище под открытым небом, а также место ритуального захоронения погребальных урн. В урнах из Карфагена были обнаружены детские кости и пепел, а также глиняные таблички с красноречивыми посланиями: “Ваалу принес Бомилькар в жертву этого сына, плоть от плоти его. Благослови его!” Эти находки, по времени, возможно, совпадающие с эпохой Манассии, доказывают правдоподобность библейских рассказов о ханаанском боге Молохе, культ которого был связан с человеческими – в том числе и детскими – жертвоприношениями. Впоследствии в западноевропейской литературе, в частности в “Потерянном рае” Мильтона, Молох предстает уже как один из падших ангелов в услужении у Сатаны.

5. Блудница вавилонская 586–539 гг. до н. э.

Иосия: революционер-спаситель

Это было настоящее чудо: Ассирийская империя рухнула под ударами вавилонян, Иудея обрела независимость, и царь Иосия даже сумел присоединить к ней большую часть бывшего Израильского царства на севере, а также распространить свою власть на юг и на восток – до побережья Красного и Средиземного морей. А затем, в 18-й год его правления, первосвященник Хелкия нашел в Храме некий забытый свиток.

По-видимому, это был один из тех свитков, что оказались в Иерусалиме после падения Северного царства и были спрятаны в Храме в годы гонений Манассии. Иосия осознал важность найденного документа – это была одна из книг Закона, которую большинство исследователей отождествляют ныне с ранней версией Книги Второзакония. Собрав народ в Храме, царь “встал на возвышенное место” и “заключил пред лицом Господним завет: последовать Господу и соблюдать заповеди Его”.

Царь повелел своим мудрецам пересказать заново историю народа Израиля, связав в единую последовательность рассказы о древних патриархах, деяния Давида и Соломона и славное прошлое Иерусалима, которое должно было бросить отблеск на настоящее. Это был еще один шаг к созданию единой Библии. И в самом деле, хотя Закон считался древним и его установление приписывалось Моисею, сквозь библейское описание Храма Соломона явно просвечивает гораздо более поздний Иерусалим Иосии, “нового Давида”. С этого времени священная гора Мория стала именоваться на иврите *ha-Makom* – просто “Место”.

Иосия вынес из Храма статуи чужих богов, сжег их в Кедронской долине и “разрушил дома блудилищные, которые были при Храме Господнем”. Он сокрушил Тофет в долине Еннома, разрушил все языческие капища, убил всех жрецов-идолопоклонников, а их кости сжег на их же жертвенниках²⁵. Пуританская “революция” Иосии совершалась с неуклонной жестокостью. Покончив с сокрушением идолов, царь отпраздновал в Иерусалиме Пасху. “Подобного ему не было царя прежде”.

Но Иосия вел опасную игру. Египетский фараон Нехо решил протянуть руку помощи своим бывшим врагам ассирийцам, не желая допустить полного уничтожения Ассирии вавилонянами, и двинул войска в Палестину на соединение с ассирийской армией. Иосия, только что избавившийся от ассирийского владычества и не желавший стать теперь вассалом Египта, выступил навстречу фараону. В битве при Мегиддо в 609 году до н. э. евреи потерпели поражение, а сам Иосия погиб, однако его оптимистическое, реформаторское царствование оказало большее влияние на историю Иерусалима, чем любое другое царствование от царя Давида до времен Иисуса Христа. Тем не менее мечта о независимости была разбита вдребезги под Мегиддо, и само название этого города, превратившееся со временем в Армагеддон, стало синонимом катастрофы.

Фараон двинулся на Иерусалим, низложил Иохазу (сына Иосии) и посадил на престол Иудеи его брата Иоакима. Однако Египет не смог помешать возвышению новой ближнево-

---

²⁵ Реформы Иосии стали критически важным шагом в развитии иудаизма. В гробнице в долине Еннома, датируемой тем периодом, были найдены два миниатюрных свитка из серебра: на их внутренней стороне вырезана священническая молитва из Книги Чисел (6:24–6), которая остается частью иудейского богослужения и сегодня: “Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!”

сточной империи: в 605 году до н. э. сын вавилонского царя Навуходоносор разбил египтян при Кархемише. Ассирия перестала существовать, а Иудея сделалась вассальным царством Вавилона. Однако в 597 году царь Иоаким решил, что противостояние Вавилона и Египта – самый подходящий момент для освобождения Иудеи. Царь призвал народ поститься, чтобы заслужить защиту у Господа. Его советник, пророк Иеремия, в своей первой горестной проповеди предупреждал, что Господь разрушит Иерусалим, если тот выступит против Вавилона. Но Иоаким публично сжег свиток Иеремии²⁶ и призвал в союзники Египет; увы, не союзника обрел в нем Иерусалим, а врага.

Навуходоносор

“В 7-м году [598 год до н. э.] в месяце кислиму, – записано на глиняных табличках Вавилонской хроники, – царь Аккада созвал свое войско, направился в страну Хатти и осадил город Иуды [Иерусалим] и на 2-й день месяца аддару [начало 597 года] захватил город и взял в плен царя”. Навуходоносор разграбил Храм и увел в Вавилон царя Иехонию и еще 10 тысяч знатных иудеев, ремесленников и просто сильных молодых людей, положив начало “великому вавилонскому пленению”. Там Иехония 37 лет томился в тюрьме, после чего наследник Навуходоносор освободил его, определил ему почетное место при своем дворе и назначил пенсию.

Навуходоносор был сыном узурпатора и энергичным строителем империи. Он объявил себя наместником Мардука – бога-покровителя Вавилона – и воплощением благочестия и добродетели (хотя и позаимствовал у ассирийских царей их репрессивный стиль правления). “Сильные обычно обижают слабых, – говорит Вавилонская хроника, – однако Навуходоносор не искал покоя ни ночью, ни днем, но внимая советам и по зрелом размышлении неутомимо вершил правосудие”. Впрочем, уведенные в Вавилон евреи вряд ли считали его воплощением справедливости.

Пленные иудеи оказались в городе, по сравнению с которым их Сион выглядел сущей деревней. В Иерусалиме той эпохи проживало всего несколько тысяч человек, а население Вавилона, возможно, составляло четверть миллиона. Эта мировая столица была столь величественна и так любила наслаждения, что туда украдкой спускалась с небес сама богиня любви Иштар: ходили слухи, что богиню не раз видели в укромных переулках и на постоялых дворах в объятиях ее избранников.

Навуходоносор обустроил Вавилон в соответствии со своим вкусом: грандиозные монументы, облицованные небесно-голубым глазурованным кирпичом (любимый цвет царя), отражались в водах могучего Евфрата и бесчисленных каналов. Увенчанные четырьмя башнями гигантские ворота Иштар – парадный въезд в город – также были выложены ярко-синей глазурью, на фоне которой эффектно выделялись желтые и охристые изразцовые барельефы, изображавшие быков и грифонов. Ворота выводили на главную улицу города – триумфальную Дорогу процессий.

О своем дворце сам Навуходоносор так рассказывает в одной из царских надписей: “В Вавилоне, который я ставлю выше всего, который я люблю, [я заложил] дворец – удивление людей, здесь живущих”. Вход в жилище царского величества охраняли изваяния могучих львов, а его летний дворец украшали “висячие” (то есть расположенные на нескольких ярусах) сады, впоследствии причисленные к чудесам света. В честь верховного бога вавилонян Мардука Навуходоносор воздвиг гигантский зиккурат – огромную семьюрусную ступенчатую

---

²⁶ Царские придворные и чиновники жили и работали в верхней части Города Давида. Там в одном из домов был обнаружен архив из 45 булл – глиняных оттисков печатей, сохранившихся благодаря огню пожара, который обжег глину. В “Доме булл”, как называли это здание археологи, по-видимому, размещалась царская канцелярия; на одной из булл видны слова “Гемария, сын Сафанов”, это имя писца царя Иоакима, известное из Книги пророка Иеремии. Иоаким либо умер еще до прихода вавилонян, либо погиб во время осады Иерусалима. Наследовал ему его сын Иехония.

пирамиду, на плоской вершине которой стоял Храм Краеугольного камня Неба и Земли, – ту самую Вавилонскую башню, строительство которой, по преданию, завершилось смешением языков. Согласно предположениям некоторых ученых, в этой легенде отразилось многоязычие тогдашней космополитической столицы Ближнего Востока.

В Иерусалиме Навуходоносор посадил на престол Седекию, дядю уведенного в плен Езекии. В 594 году Седекия посетил Вавилон, чтобы засвидетельствовать вассальную верность Навуходоносор. Но на обратном пути он поднял восстание, пренебрегши пророчествами Иеремии, предрекавшего разрушение Иерусалима вавилонянами. Навуходоносор выступил в поход на юг. Седекия обратился за помощью к египетскому фараону, но малочисленный отряд египтян был тут же разбит. Иеремия, свидетель паники и паранойи, охвативших Иерусалим, пытался скрыться из города, но был схвачен у городских ворот. Царь, который никак не мог решить, испросить ли у пророка нового совета или казнить его за измену, заточил пока Иеремию в “дом темничный” под царским дворцом. За 18 месяцев осады Навуходоносор опустошил Иудею²⁷, и ему оставалось сокрушить только ее столицу – Иерусалим.

В 587 году вавилонский царь окружил Иерусалим осадным валом. “Голод, – писал Иеремия, – в городе усилился”. Пророк оплакивал детей, “издыхающих от голода на углах всех улиц”. Находим мы у него и намеки на случаи каннибализма: “Дщерь народа моего стала жестока... Руки мягкосердых женщин варили детей своих, чтобы они были для них пищею во время гибели дщери моего народа”. Даже знатные и богатые жители Иерусалима вскоре впали в отчаяние, пишет автор “Плача Иеремии”, оттого что “воспитанные на багрянице” теперь были вынуждены искать пищу в навозе. Подавленные горожане “бродили как слепые по улицам”. Археологи нашли сточную трубу, которая относится к периоду вавилонской осады. Основными сельскохозяйственными культурами у евреев того времени были чечевица, пшеница и ячмень, но анализ содержимого трубы показал, что осажденные ели дикие растения и травы и многие были заражены солитерами и другими паразитами.

В девятый день иудейского месяца ав, в августе 586 года, после восемнадцатимесячной осады воины Навуходоносора наконец ворвались в город, который уже пожирала языки пламени, такого же безжалостного, как захватчики. Пожары занялись, вероятно, от факелов и горящих стрел, которыми вавилоняне забрасывали город (наконечники этих стрел были обнаружены археологами при раскопках в Еврейском квартале в слое сажи, пепла и головешек). Но тот же огонь, не пощадивший домов, прокалил буллы – оттиски печатей городских чиновников на глине, да так прочно, что эти оттиски сохранились до наших дней. Иерусалим пережил все ужасы ада – обычная участь любого взятого штурмом города того времени. “Умерщвляемые мечом” оказались счастливее “умерщвляемых голодом”. “Кожа наша почернела от жгучего голода. Жен бесчестят на Сионе, девиц – в городах иудейских. Князья повешены руками их”, – горестно восклицал пророк. Тем временем с юга к городу подошли идумеи, готовые при любом удобном случае мстить евреям за то, что те в свое время лишили их благодатных земель Ханаана. Радуюсь краху Иерусалима, они грабили и оскверняли все на своем пути: “Радуйся и веселись, дочь Едома... И до тебя дойдет чаша; напьешься допьяна и обнажишься”. В Библии можно найти также намеки на то, что идумеи подстрекали вавилонян, подталкивая их ко все большему бесчинству. Согласно 136 псалму, сыны Едомовы (эдомитяне, идумеи) говорили: “Разрушайте, разрушайте до основания его... Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих

²⁷ В слоях пепла у городских ворот крепости Лахиш археологами были найдены *остраконы* – черепки с нацарапанными на них надписями. Эти надписи проливают свет на обстановку в Иудее во время неудержимого наступления вавилонян. Лахиш и еще одна крепость под названием Азека сопротивлялись дольше других; между ними и Иерусалимом была налажена система оповещения с помощью сигнальных огней. Судя по записям на остраконах, военачальник осажденного Лахиша по имени Яуш поначалу регулярно получал донесения со своих аванпостов, которые постепенно один за другим были захвачены врагом. Скоро один из его офицеров по имени Хошяху доложил Яушу, что Азека также прекратила подавать сигналы. Затем в тяжелых боях пал и сам Лахиш.

о камень!” Вавилоняне полностью разрушили Иерусалим, но Иеремия, оставшийся “во дворе темничном”, уцелел.

Навуходоносор: мерзость запустения

Седекия пытался тайно выйти из города и бежать в Иерихон, но вавилоняне схватили его у Средних ворот (стоявших, возможно, рядом с Силоамской купелью), привели к Навуходоносор, “и заколол царь Вавилонский сыновей Седекии... перед глазами его... а Седекия выколол глаза и заковал его в оковы, чтобы отвести его в Вавилон”. Вавилоняне нашли и Иеремию: они освободили его и также отвели к своему царю. Тот после беседы с пророком приказал начальнику своей стражи Навузардану: “Возьми его и имей его во внимании, и не делай ему ничего худого, но поступай с ним так, как он скажет тебе”. Навузардан переселил 20 тыс. иудеев в Вавилон, однако бедняков, по свидетельству Иеремии, оставил “в Иудейской земле и дал им тогда же виноградники и поля” (Иеремия также “остался жить среди народа”).

Через месяц Навуходоносор приказал своему военачальнику стереть город с лица земли. И Навузардан “сжег Дом Господень и дом царя, и все дома в Иерусалиме... и стены вокруг Иерусалима разрушило войско халдейское”.

Храм был разрушен, его золотая и серебряная утварь разграблена, а Ковчег Завета навсегда исчез. “Предали огню святилище Твое”, – сокрушался автор 73 псалма. Все священники Храма были убиты по повелению Навуходоносора. Стены первого Храма и дворца, вероятно, рухнули в лежавшую внизу долину: “Как потускло золото, изменилось золото наилучшее! Камни святилища раскиданы по всем перекресткам”²⁸.

Улицы опустели: “Как одиноко сидит город, некогда многолюдный”. Богатые обеднели: “Евские сладкое иставают на улицах”. Лисицы бегали по голой горе Сион. Все иудеи скорбели по городу, истекавшему кровью: “Иерусалим сделался мерзостью среди них”: “...горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его”.

Разрушение Храма воспринималось, должно быть, как гибель всего народа. “Пути Сиона сетуют, потому что нет идущих на праздник; все ворота его опустели, священники его вздыхают... И отошло от дщери Сиона все ее великолепие... Упал венец с головы нашей”. Казалось, наступил конец света, или, словами Книги пророка Даниила, “поставление мерзости запустения”. Иудеям грозило исчезновение – как и любому народу, от которого отвернулись его боги. Но евреи каким-то образом обратили и эту разрушительную катастрофу в созидательный опыт, который, с одной стороны, еще более увеличил святость Иерусалима, а с другой – сформировал наглядный прообраз будущего Страшного суда. Для всех трех “религий Книги” Иерусалим отныне стал площадкой, на которой разыграется трагедия Последних дней и воздвигнется царство Мессии – то есть произойдет тот самый апокалипсис (греч. “откровение”), о котором впоследствии проповедовал Иисус. Для христиан напряженное ожидание конца времен стало одним из краеугольных камней веры, однако пророк Мухаммед усмотрел в разрушении Храма и города Навуходоносором лишь свидетельство того, что евреи лишились божественного благоволения, а это, в свою очередь, открывало путь его собственному кораническому откровению.

В Вавилонском плену часть иудеев сохранила свою приверженность единому Богу и Сиону. В те же самые годы, когда поэмы Гомера утверждались в архаической Греции в каче-

---

²⁸ До сих пор не найдено никаких остатков Первого Храма. Однако Иеремия на удивление точен: военачальники Навуходоносора действительно расположили свою ставку у Средних ворот, поскольку отсюда было удобнее контролировать Иудею, а их имена, перечисленные в Книге Иеремии, подтверждает один из текстов, найденных в Вавилоне. Навуходоносор назначил царского министра Годолию марионеточным правителем Иудеи. Но поскольку Иерусалим лежал в руинах, Годолия сделал своей резиденцией город Мицпу к северу от разрушенной столицы. Вскоре иудеи восстали и убили Годолию, и Иеремию, которому тот покровительствовал, был вынужден бежать в Египет. С тех пор о нем ничего не известно.

стве общенационального эпоса, евреи начали идентифицировать себя через библейские тексты и память о своем покинутом городе: “При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы”. И даже вавилоняне, согласно 136 псалму, ценили по достоинству иудейские песни: “Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселья: «пропойте нам из песней Сионских». Как нам петь песнь Господню на земле чужой?”

Да, Вавилония была чужой землей, но именно там начала формироваться и кристаллизоваться единая Библия. И если юные выходцы из Иерусалима, такие как пророк Даниил, обучались при царском дворе, а более прагматичные пленники отвергали Сион и становились настоящими вавилонянами, то верные единому Богу евреи стали формулировать новые законы, призванные подчеркнуть их отличия и особость. Они чтити субботу, обрезали своих мальчиков, придерживались строгих канонов в пище и нарекали детей еврейскими именами, ведь падение Иерусалима показало, что происходит, когда не уважают законов Божьих. Вдали от родины жители Иудеи становились просто евреями²⁹.

Изгнанники навечно заклеили Вавилон как “мать блудниц и мерзостей земных”, однако империя в то время процветала, а их заклятый враг Навуходоносор процарствовал 40 лет. Впрочем, по свидетельству Даниила, в конце жизни царь вавилонский сошел с ума, “отлучен он был от людей, ел траву, как вол, волосы у него выросли, как у льва, и ногти у него – как у птицы”. Поистине, судьба, достойная преступлений царя (и прекрасный источник вдохновения для кисти Уильяма Блейка). И словно этого было недостаточно для удовлетворения их жажды мщения, еврейские пленники могли еще раз подивиться иронии истории: сын Навуходоносора Эвильмеродах (Амель-Мардук) настолько разочаровал своего отца, что тот бросил его в темницу, где принц познакомился и подружился с Иехонией, царем иудейским.

Валтасаров пир

Став царем Вавилона, Эвильмеродах освободил своего царственного товарища-еврея из темницы. Но в 556 году до н. э. он был свергнут; новый царь Набонид повел себя эксцентрично: он отказался почитать Мардука, бога-покровителя Вавилона, и стал насаждать культ лунного бога Сина, а затем удалился из Вавилона в оазис Тема (ныне Тейма), расположенный далеко от имперской столицы – в Аравийской пустыне. Со временем Набонида поразила таинственная болезнь, и, скорее всего, это именно он (а не Навуходоносор, как сообщает Даниил) обезумел и “ел траву, как вол”.

В отсутствие царя страной правил его сын (или брат), царевич Валтасар (Бел-шар-уцур). Библия рассказывает, как он устроил для своих вельмож большое пиршество, где настольными чашами служили золотые и серебряные сосуды, вывезенные Навуходоносором из иерусалимского Храма. Во время пира Валтасар увидел, как таинственная рука чертит на стене загадочные письмена: “Мене, мене, текел, упарсин”. Растолковать их смог только иудейский мудрец Даниил – надпись означает: “Исчислено, исчислено, взвешено, разделено” и предупреждает, что дни империи сочтены, а самому царевичу предрекает скорую гибель (в ту же ночь Валтасар был убит).

---

²⁹ В 586–400 гг. до н. э. таинственные авторы Библии, писцы и священники, жившие в изгнании в Вавилоне, обработали и собрали воедино тексты Пятикнижия Моисеева (еврейской Торы), соединив обе традиции – Яхвиста и Элогиста. Так называемые второзаконники пересказали священную историю, сделав акцент на слабости царей и могуществе Господа. Они также включили в текст Писания эпизоды, вдохновленные мифологией Вавилона – в частности, историю о Вавилонской башне и рассказ о всемирном потопе, столь похожий на описание катастрофы в “Сказании о Гильгамеше”. Книга Даниила создавалась на протяжении многих лет: некоторые ее части наверняка были написаны в начале вавилонского пленения, другие позднее. Нам неизвестно, действительно ли существовал человек по имени Даниил или это собирательный образ. Так или иначе, в этой книге есть множество исторических ошибок – это было установлено с помощью археологических находок, сделанных в Вавилоне в XIX в.

В 539 году до н. э. Вавилоном овладели персы. Иудейская история полна примеров чудесных избавлений. Это было одним из наиболее драматических. Через 47 лет пребывания “при реках Вавилона” решением одного человека – не менее эффектным, чем решение Давида, – Сион был восстановлен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.